

ВЕСЬ ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

ЛОЖЬ

I

— Ты лжешь! Я знаю, ты лжешь!

— Зачем ты кричишь? Разве нужно, чтобы нас слышали?

И здесь она лгала, так как я не кричал, а говорил совсем тихо-тихо, держал ее за руку и говорил тихо-тихо, и это ядовитое слово «ложь» шипело, как маленькая змейка.

— Я тебя люблю, — продолжала она. — И ты должен верить! Разве это не убеждает тебя?

И она поцеловала меня. Но, когда я хотел охватить и сжать ее руками, ее уже не было. Она ушла из полутемного коридора, и я снова последовал за ней туда, где заканчивался веселый праздник. Почему я знаю, где это было? Она сказала, чтобы я пришел туда, и я пришел и видел, как всю ночь кружились пары. Никто не подходил ко мне и не заговаривал со мной, и, всем чужой, я сидел в углу около музыкантов. Прямо на меня было направлено жерло большой медной трубы, и оттуда рычал кто-то запертый и через каждые две минуты

отрывисто и грубо смеялся: хо-хо-хо.

Иногда ко мне приближалось белое душистое облако. То была она. Не знаю, как она умела ласкать меня незаметно для людей, но на одну коротенькую секунду плечо ее прижималось к моему плечу, на одну коротенькую секунду я видел, опустив глаза, белую шею в прорезе белого платья. А когда поднимал глаза, то видел профиль, такой белый, строгий и правдивый, какой бывает у задумавшегося ангела над могилой забытого человека. И глаза ее я видел. Они были большие, жадные к свету, красивые и спокойные. Окруженный голубым ободком, чернел зрачок, и сколько я ни смотрел в него, он был все такой же черный, глубокий и непроницаемый. Быть может, я смотрел в него так недолго, что сердце не успевало еще сделать ни одного толчка, но никогда я так глубоко и страшно не понимал, что значит бесконечность, и никогда с такой силой не ощущал ее. Со страхом и болью я чувствовал, что вся моя жизнь тоненьким лучом переходила в ее глаза, пока я становился чужим для самого себя, опустевшим и безгласным — почти мертвым. Тогда она уходила от меня, унося с собою мою жизнь, и опять танцевала с кем-то высоким, надменным и красивым. Каждую подробность изучил я в нем: форму его обуви, широту приподнятых плеч, равномерный взмах отделившейся пряди волос, — а

он своим безразличным, невидящим взглядом словно вдавливал меня в стену, и я делался таким же плоским и несуществующим для глаз, как и стена.

Когда стали тухнуть свечи, я подошел к ней и сказал:

— Пора ехать. Я провожу вас.

Но она удивилась.

— Но ведь я еду с ним, — и она показала на высокого и красивого, который не смотрел на нас. И, отведя меня в пустую комнату, она поцеловала меня.

— Ты лжешь, — сказал я тихо-тихо.

— Мы сегодня увидимся. Ты должен прийти, — ответила она.

Из-за высоких крыш смотрело зеленое морозное утро, когда я ехал домой. И на всей улице было только нас двое: извозчик и я. Он сидел, понурившись и спрятав лицо, а за ним сидел, понурившись, я и прятал лицо до самых глаз. И у извозчика были свои мысли, а у меня свои, а там, за толстыми стенами, спали тысячи людей, и у них были свои сновидения и мысли. Я думал о ней и о том, что она лжет; я думал о смерти, и мне казалось, что эти сумеречно освещенные стены уже видели мою смерть и оттого они так холодны и прямы. Не знаю, о чем думал извозчик. Не знаю, о чем грезили те, скрытые стенами. Но ведь и они не знали, о чем

думаю и грежу я.

Итак, мы ехали по длинным и прямым улицам, а утро поднималось из-за крыш, и все кругом было неподвижно и бело. Душистое холодное облако приближалось ко мне, и прямо в мое ухо смеялся кто-то запертый: хо-хо-хо.

II

Она солгала. Она не пришла, и я напрасно ждал ее. Серый, ровный, застывший полумрак спускался с темного неба, и я не знал, когда сумерки перешли в вечер и вечер перешел в ночь, и думал, что все это была одна долгая ночь. Все теми же шагами, однообразными, равномерными шагами долгих ожиданий ходил я взад и вперед. Я не подходил близко ни к высокому дому, в котором жила любимая мной, ни к стеклянной его двери, желтевшей под желтым навесом, а все теми же равномерными шагами ходил по противоположной стороне — взад и вперед, взад и вперед. И идя вперед, я не сводил глаз со стеклянной двери, а возвращаясь обратно, часто останавливался и оборачивал голову, и тогда острыми иглами снег колол мое лицо. И так длинны были они, эти острые и холодные иглы, что проникали до самого сердца и кололи его тоской и гневом бессильного ожидания. От светлого севера к темному югу свободно мчался

холодный воздух, со свистом играл на обледенелых крышах и, срываясь оттуда, сек мое лицо острыми маленькими снежинками и мелко стучал в стекла пустых фонарей, где одинокое, дрожащее от холода сгибалось желтое пламя. И мне жаль было одинокого пламени, живущего только ночью, и я думал, что вот вся жизнь кончится на этой улице, и я уйду, и только снежинки будут нестись по пустому пространству, а желтое пламя все будет дрожать и сгибаться — в одиночестве и холоде.

Я ждал ее, и она не приходила. И мне чудилось, что одинокое пламя и я, мы похожи друг на друга, и только фонарь мой не был пуст: в том пространстве, которое я измерял своими шагами, иногда показывались люди. Они неслышно вырастали за моей спиной, большие и темные, двигались мимо меня и, серея словно призрак, внезапно исчезали за острым углом белого здания. И снова выходили они из-за угла, равнялись со мной и медленно таяли в сером пространстве, полном бесшумно движущегося снега. Закутанные, бесформенные, молчаливые, они были похожи друг на друга и на меня, и мне казалось, что десятки людей ходят взад и вперед, как и я, ждут, дрогнут и молчат, как и я, и думают о чем-то своем, загадочном и печальном.

Я ждал ее, и она не приходила. Не знаю, почему я не кричал и не плакал от боли; не знаю,

почему я смеялся и радовался и сжимал пальцы так, будто они когти, и будто я держу в них то маленькое и ядовитое, что шипит, словно змейка: ложь! Она извивалась в моих руках и кусала мое сердце, и от яда ее кружилась моя голова. Все было ложь. Исчезла грань между будущим и настоящим, между настоящим и прошлым. Исчезла грань между тем временем, когда я еще не жил, и тем, когда я стал жить, и я думал, что я жил всегда — или не жил никогда. И всегда, когда я еще не жил и когда я стал жить, царила надо мной она, и мне странно было думать, что у нее есть и тело, и что в существовании ее есть начало и конец. У нее не было имени, и всегда она была та, что лжет, та, что вечно заставляет ждать и никогда не приходит. И не знаю, почему я смеялся, и острые иглы вонзались в мое сердце, и прямо в ухо мое смеялся кто-то запертый: хо-хо-хо.

Открывая глаза, я видел освещенные окна высокого дома, и они тихо говорили мне своим синим и красным языком:

— Ты обманут ею; в эту минуту, пока ты одиноко блуждаешь, ждешь и страдаешь, она, вся красивая, вся яркая, вся лживая, находится здесь и слушает то, что шепчет ей высокий и красивый человек, презирающий тебя. Если бы ты ворвался сюда и убил ее, ты сделал бы хорошо, так как убил бы ложь.

Я крепче сжимал руку, в которой был нож, и, смеясь, отвечал:

— Да, я убью ее.

Но печально глядели на меня окна и печально добавляли:

— Но ты никогда не убьешь ее. Никогда, потому что оружие в твоей руке — такая же ложь, как и ее поцелуи.

Давно уже исчезли безмолвные тени ожидавших, и в холодном пространстве остался один я да дрожащие от стужи и отчаяния одинокие языки огня. Невдалеке, на церковной колокольне, стали бить часы, и их унылый металлический звук дрожал и плакал, вылетая в пространство и теряясь в массе безумно кружащихся снежинок. Я начал считать удары и рассмеялся: часы пробили пятнадцать. Колокольня была старая, и часы были старые, и хотя верно показывали время, но удары отбивали без счета, иногда так много, что старый седой звонарь взлезал вверх и удерживал руками судорожно бьющийся молоточек. Для кого лгали эти дрожащие, старчески-печальные звуки, охваченные и задушенные морозной тьмой? Так жалка и нелепа была эта ненужная ложь.

И с последним лживым звуком часов стукнула стеклянная дверь, и по ступенькам спустился кто-то высокий. Я видел только его спину, но я узнал ее, так как только вчера видел ее, гордую,

презрительную. И походку узнал я, и была она более легкой и уверенной, чем вчера: таким раз отходил и я от этой двери: так ходят люди, которых только сейчас целовали женские лживые уста.

III

Я грозил, я требовал, скрежеща зубами:

— Открой мне правду!

И с холодным, как снег, лицом, с удивленно приподнятыми бровями, под которыми все так же бесстрастно и загадочно темнел непроницаемый зрачок, она спрашивала меня:

— Но разве я лгу тебе?

Она знала, что я не могу доказать ее лжи, и что все мои тяжелые, массивные создания пытающей мысли могут быть разрушены одним ее словом — еще одним лживым словом. Я ждал его — и оно сходило с ее уст, сверкающее на поверхности красками правды и темное в своей глубине.

— Я люблю тебя. Разве я не вся твоя?

Мы были далеко от города, и в темные окна глядело снежное поле. Над ним была тьма и вокруг него была тьма, густая, неподвижная, молчаливая, но оно сияло своим сокровенным светом, как лицо мертвеца во мраке. Одна только свеча горела в большой, жарко натопленной комнате, и на

краснеющем пламени виднелся бледный от свет мертвого поля.

— Как бы ни была печальна правда, я хочу знать ее. Быть может, я умру, узнав ее, но смерть лучше, чем незнание правды. В твоих поцелуях и объятиях я чувствую ложь. В твоих глазах я вижу ее. Скажи мне правду — и я навсегда уйду от тебя, — говорил я.

Но она молчала, и взгляд ее, холодно-пытливый, проникал в глубь меня, выворачивал мою душу и с странным любопытством рассматривал ее. И я закричал:

— Отвечай, или я убью тебя!

— Убей! — спокойно ответила она. — Иногда так скучно жить. Но разве угрозами можно добиться правды?

И тогда я стал на колени. Сжимая ее руки, плача, я молил ее о жалости — и о правде.

— Бедный, — говорила она, кладя руку на мои волосы. — Бедный!

— Пожалей меня, — молил я. — Я так хочу правды.

И я смотрел на ее чистый лоб и думал, что правда там, за этой тоненькой преградой. И мне безумно хотелось сорвать череп, чтобы увидеть правду. А вот здесь, за белой грудью, бьется сердце — и мне безумно хотелось разорвать грудь и хоть раз увидеть обнаженное человеческое сердце. И

неподвижно желтело острое пламя догоравшей свечи, и, темнея, расходились стены, и было так грустно, так одиноко, так жутко.

— Бедный, — говорила она. — Бедный.

Судорожно метнувшись, упало желтое пламя и стало синим. А потом оно погасло — тьма охватила нас. Я не видел ни лица ее, ни глаз, ее руки охватывали мою голову, и я уже не чувствовал лжи. Закрыв глаза, я не думал, не жил, я только впитывал в себя ощущение ее рук, и оно казалось мне правдивым. И в темноте тихо звучал ее шепот, боязливый и странный:

— Обними меня. Мне страшно.

И опять тишина, и опять тихий, полный страха шепот:

— Ты хочешь правды, — а разве сама я знаю ее? И разве я не хочу знать ее? Защити меня! О, как мне страшно!

Я открыл глаза. Побледневший мрак комнаты в страхе бежал от высоких окон, и собирался у стен, и прятался в углы, — а в окна молча глядело что-то большое, мертвенно-белое. Казалось, что чьи-то мертвые очи разыскивают нас и охватывают своим ледяным взглядом. Дрожа, мы прижимались друг к другу, и она шептала:

— О, как страшно!

Я убил ее. Я убил ее, и, когда вялой и плоской массой она лежала у того окна, за которым белело мертвое поле, я стал ногой на ее труп и рассмеялся. Это не был смех сумасшедшего, о, нет! Я смеялся оттого, что грудь моя дышала ровно и легко, и внутри ее было весело, спокойно и пусто, и от сердца отпал червяк, точивший его. И, наклонившись, я заглянул в ее мертвые глаза. Большие, жадные к свету, они остались открытыми и были похожи на глаза восковой куклы — такие же круглые и тусклые, точно покрытые слюдой. Я мог трогать их пальцами, закрывать и открывать, и мне не было страшно, потому что в черном, непроницаемом зрачке уже не жил тот демон лжи и сомнений, который так долго, так жадно пил мою кровь.

Когда меня схватили, я смеялся, и схватившим меня людям это показалось и страшным и диким. Один с отвращением отворачивались от меня и отходили в сторону; другие прямо и грозно, с укором на устах, шли на меня, но, когда на их глаза падал мой светлый и веселый взгляд, лица их бледнели, и земля приковывала к себе их ноги.

— Сумасшедший, — говорили они, и мне казалось, это слово утешает их, потому что помогает понять загадку: как, любящий, я мог

убить любимую — и смеяться. И только один, толстый, краснощекий и веселый, назвал меня другим словом, и оно ударило меня и затмило в моих глазах свет.

— Бедный человек! — сказал он с состраданием и без злобы, потому что был толстый и веселый. — Бедный!

— Не надо! — крикнул я. — Не надо называть меня так!

Не знаю, зачем я кинулся к нему. Конечно, я не хотел ни убивать его, ни трогать, но все эти перепуганные люди, видевшие во мне сумасшедшего и злодея, перепугались еще больше и закричали так, что мне опять стало смешно.

Когда меня выводили из комнаты, где лежал труп, я громко и настойчиво повторял, глядя на веселого, толстого человека:

— Я счастливый! Я счастливый!

И это была правда.

V

Когда-то в детстве я видел в зверинце пантеру, поразившую мое воображение и надолго полонившую мысли. Она была непохожа на других зверей, которые бессмысленно дремали или злобно смотрели на посетителей. Из угла в угол, по одной и той же линии, с математической правильностью

ходила она, каждый раз поворачиваясь на одном и том же месте, каждый раз задевая золотистым боком за один и тот же металлический прут решетки. Хищная острая голова ее была опущена, и глаза смотрели перед собой, ни разу, никогда не поворачиваясь в сторону. Перед ее клеткой целые дни толпился народ, говорил, шумел, а она все ходила, и ни разу глаза ее не обратились к смотрящим. И немногие лица из толпы улыбались; большинство серьезно, даже мрачно смотрели на эту живую картину тяжелого безысходного раздумья и со вздохом отходили. А отойдя, еще раз недоумевающе, пытливо оглядывались на нее и вздыхали, как будто было что-нибудь общее в судьбе их, свободных людей, и этого несчастного плененного зверя. И когда впоследствии со мной, уже взрослым, люди и книги заговорили о вечности, я вспомнил пантеру, и мне показалось, что я уже знаю вечность и ее муки.

В такую пантеру превратился я в моей каменной клетке. Я ходил и думал. Я ходил по одной линии наискось клетки, от угла к углу, и по одной короткой линии шли мои мысли, такие тяжелые, что, казалось, не голову, а целый мир ношу я на своих плечах. Только из одного слова состоял он, но какое это было большое, какое мучительное, какое зловещее слово.

Ложь — так произносилось это слово.

Опять оно, шипя, выползло из всех углов и обвивалось вокруг моей души, но оно перестало быть маленькой змейкой, а развернулось большой, блестящей и свирепой змеей. И жалила и душила она меня своими железными кольцами, и когда я начинал кричать от боли, из моего открытого рта выходил тот же отвратительный, свистящий змеиный звук, точно вся грудь моя кишела гадами:

— Ложь!

И я ходил и думал, и перед моими глазами серый, ровный асфальт пола превращался в сереющую прозрачную бездну. Ноги переставали ощущать прикосновение к камню, и мне чудилось, что в бесконечной высоте я парю над туманом и мглой. И когда грудь моя исторгала свистящий стон, оттуда снизу — из-под этой редющей, но непроницаемой пелены медленно приносился страшный отзвук. Так медленно и глухо, точно он проходил сквозь тысячелетия и в каждую минуту и в каждой частице тумана терял свою силу. Я понимал, что там — внизу — он свистел, как ветер, который срезает деревья, но в мое ухо он входил зловещим коротким шепотком:

— Ложь!

Этот подлый шепот приводил меня в негодование. Я топал ногой по камню и кричал:

— Нет лжи! Я убил ложь.

И нарочно я отворачивался в сторону, так как

знал, что она ответит. И она отвечала медленно, из глубины бездонной пропасти:

— Ложь!

Дело, как видите, в том, что я жалко ошибся. Женщину я убил, а ложь сделал бессмертной. Не убивайте женщины, пока мольбами, пыткой и огнем вы не вырвете из души ее правды!

Так думал я и ходил наискосок клетки, от угла к углу!

VI

Темно и страшно там, куда она унесла правду и ложь — и я пойду туда. У самого престола сатаны я настигну ее, и упаду на колени, и заплачу, и скажу:

— Открой мне правду!

Но, боже! Ведь это ложь. Там тьма, там пустота веков и бесконечности, и там нет ее и нет ее нигде. Но ложь осталась. Она бессмертна. Я чувствую ее в каждом атоме воздуха, и, когда я дышу, она с шипением входит в мою грудь и рвет ее, рвет!

О, какое безумие быть человеком и искать правды! Какая боль!

— Спасите меня! Спасите!

14 февраля 1900 г.

МАРСЕЛЬЕЗА

Это было ничтожество: душа зайца и бесстыдная терпеливость рабочего скота. Когда судьба насмешливо и злобно бросила его в наши черные ряды, мы смеялись, как сумасшедшие: ведь бывают же такие смешные, такие нелепые ошибки. А он — он, конечно, плакал. Я никогда в жизни не встречал человека, у которого было бы так много слез, и они текли бы так охотно — из глаз, из носа, изо рта. Точно губка, пропитанная водою и зажатая в кулак. И в наших рядах я видел плачущих мужчин, но их слезы были огонь, от которого бежали дикие звери. От этих мужественных слез старело лицо и молодели глаза: как лава, исторгнутая из раскаленных недр земли, они выжигали неизгладимые следы и хоронили под собою целые города ничтожных желаний и мелких забот. А у этого, когда он поплачет, только краснел его носик да намокал платочек. Вероятно, он сушил его потом на веревочке, иначе откуда набрал бы он столько платков?

И во все дни изгнания он таскался к начальникам, ко всем начальникам, какие только были и каких он мог придумать, кланялся, плакал, клялся в своей невинности, умолял пожалеть его

молодость, давал обещания на всю жизнь не открывать рта иначе, как для просьб и славословий. И те смеялись над ним, как и мы, и называли его «Маленькая несчастная свинья», и кричали ему:

— Эй ты, маленькая свинья!

И он послушно бежал на зов: он думал каждый раз услышать весть о возвращении на родину, а они только шутили. Они знали, как и мы, что он не виновен, но его муками они думали напугать других маленьких свиней, — как будто и так не достаточно трусливы они!

Приходил он и к нам, гонимый животным страхом одиночества; но суровы и замкнуты были наши лица, и тщетно он искал ключа. Теряясь, он называл нас милыми товарищами и друзьями, а мы качали головой и говорили:

— Смотри! Тебя услышат.

И он позволял себе глядеть на дверь, эта маленькая свинья. Ну разве можно было сохранить серьезность! И мы смеялись отвыкшими от смеха голосами, а он, ободренный и утешенный, присаживался ближе и рассказывал и плакал о своих любимых книжечках, оставшихся на столе, о своей мамаше и братцах, о которых он не знает, живы они или уже умерли от страха и тоски.

Под конец мы его выгоняли.

Когда началась голодовка, его охватил ужас — невыразимо-комичный ужас. Ведь он очень

любил покушать, бедная свинья, и он очень боялся милых товарищей, и очень боялся начальников: растерянно бродил он среди нас и часто вытирал платком лоб, на котором выступило что-то — слезы или пот. И нерешительно спросил меня:

— Вы долго будете голодать?

— Долго, — сурово ответил я.

— А потихоньку вы ничего не будете есть?

— Мамаши будут присылать нам пирожков, — серьезно согласился я.

Он недоверчиво посмотрел на меня, покачал головою и, вздохнув, ушел. А на другой день заявил, зеленый от страха, как попугай:

— Милые товарищи! Я тоже буду голодать с вами.

И был общий ответ:

— Голодай один.

И он голодал! Мы не верили, как не верите вы, мы думали, что он ест что-нибудь потихоньку, и так же думали надсмотрщики. И когда под конец голодовки он заболел голодным тифом, мы только пожали плечами: «Бедная маленькая свинья!» Но один из нас — тот, что никогда не смеялся, угрюмо сказал:

— Он наш товарищ. Пойдемте к нему.

Он бредил, и жалок, как вся его жизнь, был этот бессвязный бред. О своих любимых книжечках говорил он, о мамаше и братцах; он просил

пирожков и клялся, что не виновен, и просил прощения. И родину он звал, звал милую Францию, — о, будь проклято слабое сердце человека! Он душу раздирал этим зовом: «Милая Франция!» Мы все были в палате, когда он умирал. Сознание вернулось к нему перед смертью, и тихо он лежал, такой маленький, слабый, и тихо стояли мы, его товарищи. И все мы, все до единого, услышали, как он сказал:

— Когда я умру, пойте надо мною Марсельезу.

— Что ты говоришь! — воскликнули мы, содрогаясь от радости и закипающего гнева. И он повторил:

— Когда я умру, пойте надо мною Марсельезу.

И впервые случилось так, что сухи были его глаза, а мы — мы плакали, плакали все до единого, и, как огонь, от которого бегут дикие звери, горели наши слезы.

Он умер, и мы пели над ним Марсельезу. Молодыми и сильными голосами пели мы великую песню свободы, и грозно вторил нам океан и на хребтах валов своих нес в милую Францию и бледный ужас, и кроваво-красную надежду. И навсегда стал он знаменем нашим — это ничтожество с телом зайца и рабочего скота и великою душою человека. На колени перед героем,

товарищи и друзья!

Мы пели. На нас смотрели ружья, зловеще щелками их замки, и острые жала штыков угрожающе тянулись к нашим сердцам, — и все громче, все радостнее звучала громкая песня; в нежных руках бойцов тихо колыхался черный гроб.

Мы пели Марсельезу!

Август 1905 г.

МЕЛЬКОМ

По одному неприятному и скучному делу я был вызван из Москвы и освобожден только к десяти часам вечера, развинченный и злой. Другого дела у меня не было, но я торопливо шел на станцию, по привычке человека, у которого лежит в боковом кармане записная книжка, а в ней против каждого дня отмечены десятки мест, куда нужно поспеть, и ругал, ругал... право, не знаю кого. Весь свет ругал: и тех, кто вызвал меня по этому глупому делу, и себя за то, что поехал, и собак, существование которых в этой местности я предполагал, и дождливое лето, и ночной мрак, который уже царил всюду, особенно сгущаясь в узеньких путаных переулках, пролегавших между дачами. Посередине еще светлела дорога, но по

краям, где под тенью высоких деревьев проходила пешеходная тропинка, было так же черно, как и у меня на душе. По времени свету полагалось больше — это происходило в последних числах июня, — но перед тем только что пронеслась сильная гроза, с проливным дождем и ветром, и посеревшие тучи еще не успели рассеяться, точно им было так же трудно и неприятно двигаться в теплом и сыром воздухе, как и мне. Минутами они спохватывались, как пьяница, который вспоминает, что в одном из карманов у него еще завалялся непропитый пятак, и, возвратившись, с треском бросает его удивленному целовальнику,¹ — и посылали на землю редкие, запоздавшие капли, лениво ударявшиеся о листья и траву и наполнявшие окрестность тихим шуршанием. Деревья не шевелились, и только когда я с усиленной бранью налетал плечом на темный ствол сосны или задевал ногой кустарник, на меня сыпались частые теплые брызги. У меня уже начинала являться приятная догадка о том, что вместо станции я иду к черту на кулички, когда деревья внезапно раздвинулись, точно провалились, и в нескольких шагах на просветлевшем пространстве тускло блеснули

---

¹ *Целовальник.* — Здесь: торговец в казенной винной лавке.

мокрые рельсы.

Маленькая крытая платформочка, задавленная окружающим лесом и ежеминутно пугаемая гроыхающими поездами, робко прижималась к земле. На ней не было даже кассы, и в продолжительной агонии кочался холостяк-фонарь, не только не рассеивая тьмы, но скорее увеличивая ее. На стене висело большое, оборванное по краям и никогда не читаемое расписание каких-то поездов с мудреными линиями и черными ободами, а в углу стояла единственная лавка, на которую я плотно уселся. До поезда оставалось еще более часу, и я приготовился терпеливо ждать. Для этих случаев у меня всегда бывала припасена газета или книга, но читать было темно, да и не хотелось. Эти чужие и выдуманные люди, о которых будет говорить газета или книга, давно уже вызывали во мне скуку и зависть. Что мне до того, что там где-то гремят витии, кипит жизнью шумная толпа, и крики победы, и яростные вопли побежденных поднимаются к небу, — когда вокруг меня спит самый воздух, и сам я кисну и буду киснуть в этой неподвижной духоте? А в книге еще хуже: сочиненные Петры будут любить и целовать выдуманных Марий, во имя проклятого реализма порок будет торжествовать, а слюнявая добродетель ныть и киснуть, киснуть и ныть! Да и не все ли равно: быстро или медленно пойдет

время? За этим часом пойдут другие, и их тоже нужно будет убивать, — так пусть они умирают сами, а я буду только подсчитывать трупы.

Увлеченный нытьем, я не заметил, как на платформу вышли из разных концов две пары. Первую составляли два подвыпившие господина. Один из них был высокий худощавый старик с желтым лицом и реденькой седой бороденкой, от тонкого и широкого рта спускавшейся клочками на гусиную шею. Из-под котелка, оставлявшего в тени верхнюю часть лица, спускался тонкий и длинный нос, на конце острый, как у покойника. Спутник его обладал широким и красным лицом, подобным ломтю зрелого арбуза, — причем роль зерен выполняли маленькие черные глазки, — стриженной круглой головой, на которой торчал белый картуз. Над пухлыми губами чернели маленькие усики. От всей его молодой, толстой фигурки несло нестерпимым блаженством и какой-то обидной кротостью. Старик уселся возле меня и заговорил высоким, хриплым фальцетом, которому он старался придать язвительность и иронию:

— Будьте, Семен Семеныч, солидарнее! Вас немного намочило, вы и починяйтесь.²

---

² ...вы и починяйтесь. — Здесь в значении: успокоиться, привести себя в порядок.

— Но чем же я почиюсь, Василь Игнатыч? Буфета нет.

— Это дело ваше. Толцйте и отверзется.³

— Чему отверзаться-то? Стена.

Молодой человек в подтверждение своих слов стукнул кулаком в тонкую стену, издавшую звук пустого пространства, и откачнулся назад, но сделав при этом такой вид, как будто ему давно уже хотелось откачнуться и он только пользуется удобным случаем.

— Но зачем утруждаете вы меня вашими гнусными воплями? — спросил старик.

Весь он был преисполнен вежливости, иронии и яда, которым особую силу придавали частые знаки препинания.

— Сердце у меня золотое, с хорошим человеком поговорить желательно. Покурим, старина?

— Это дело ваше. А только я не старина, я — Василь Игнатыч и всякой пьяной свинье не товарищ.

— А сами-то вы не пили? — оскорбился тот.

— Это дело наше.

---

³ *Толцйте, и отверзется.* — Евангельское изречение (Матф., гл. VII, ст. 7; Лука, гл. II, ст. 9). Употребляется в значении: упорством добиваться желаемого.

Другая пара стояла между тем в нерешимости.

— Уйдем, Саша, тут пьяные.

— Ничего, они тихие, сядем вон там, в углу.

Высокая женская фигура в сером клеенчатом плаще медленно тронулась, и за ней последовал тот, кого называли Саша. Когда они проходили мимо фонаря, свет упал на красивое женское лицо и юношу с длинными волосами и в синей с косым воротом рубашке. Видом своим он напоминал интеллигентного рабочего или студента, снявшего форму. Девушка держалась спокойно и говорила решительно, мало придавая значения тому, что ее улышат. Голос ее — чистый и мягкий — звучал лаской в самом простом слове. Такие женщины, с ласковым голосом и уверенными движениями, особенно хорошо ухаживают за больными.

Разостлав на полу клеенчатый плащ, они уселись, тесно прижавшись друг к другу, и из-за лохматой головы на плечо легла тонкая белая рука.

— Милый, тебе не холодно?

— Конечно нет, — ответил он с тем пренебрежением, каким мужчины отвечают на женскую заботливость.

А мне уже становилось холодно, и я зябко ежился в своем одиноком и жестком углу.

— А как нас знатно вымочило! — продолжал тот же ласковый голос со скрытым смехом. — И как страшно в лесу, когда гроза.

— Ну, что там страшного. Скорее — приятно. А твои там, дома, не будут беспокоиться о тебе? Запропала неведомо куда.

— Пусть их, — ответила девушка и счастливо рассмеялась, но тотчас же перешла в серьезный тон: — А странно, правда, что время так долго тянется без тебя. Ты когда был здесь?

— Вчера.

— Вчера? — протянул голос. — И то ведь вчера. Вот потеха-то! Я думала, что они врут.

— Кто они?

— Да вот те, что романы пишут.

— Кстати, кончила ты Каутского?⁴ У меня просили его.

Ответа я не слышал. Уже давно доносился издали гул, тихий и неотзывчивый в сером воздухе, поглощающем звуки. То шел не то пассажирский, не то курьерский поезд, не останавливающийся на этой платформе. Постепенно гул возрастал, и из-за стены, закрывавшей от меня правую сторону пути, внезапно вырвалось черное и огненное чудовище и

---

⁴ ...кончила ты Каутского? — Карл Каутский (1854–1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии. Работы Каутского 90-х гг. XIX — начала 900-х гг. XX века, написанные в целом с позиций революционного марксизма, пользовались популярностью в среде демократически настроенной молодежи.

промчалось, как вихрь, с громом и лязгом, таща за собой тяжелые вагоны. Освещенные окна сливались в одну блестящую полосу с мелькающими силуэтами голов. С низенькой платформы, стоявшей почти на одном уровне с рельсами, видно было, как торопливо вертятся колеса, кажущиеся легкими и прозрачными.

Наступила минутная тишина, нарушенная блаженным молодым человеком, в котором этот пронесшийся ураган, видимо, пробудил новые силы. Отчаянно-фальшивым голосом он запел:

Бледный месяц...
плывет над ре-е-кою...⁵

— Врешь, — комментировал старик с язвительностью. — Возьмите глаза в зубы, и вы увидите тучи.

...Все в а-объятях...
ночной тишины...

— Хороша тишина! Орет как

---

⁵ «Бледный месяц плывет над рекою...» — Искаженное начало романа «Чудный месяц плывет над рекою...» — См. примеч. к «Бездне» (с. 612).

пришпандоренный.

...Ничего мне на
свете... не надо-о-о...

— И опять врете. Полбутылки надо.

...Только видеть...
тебя одноё!..

— Эту рожу-то? Тьфу, — с омерзением
плюнул старик.

— Послушайте! Почему вы говорите, что у
нее рожа? Вы сами видели, какая у нее прелестная
личность.

— К вашей пьяной роже никакая личность не
подойдет.

Молодой человек задумался и решительно
произнес:

— За эти слова я больше с вами незнаком.

— Дело ваше.

С другой стороны слышалось:

— Ты понюхай, Саша, как хорошо пахнет:
листьями и еще чем-то.

— Да уж нюхал.

— Нет, пожалуйста, еще.

Юноша с шипением потянул воздух, и оба
рассмеялись. На блаженного молодого человека

молчание действовало удручающе, и он заговорил, подражая ироническому тону старика:

— А вот с каким поездом мы поедем?

— Ни с каким.

— Н-ну? — изумился молодой человек и икнул. — Почему же это, хотел бы я знать?

— Потому что не пустят. Скажут: куда, пьяная морда, лезешь?

— Это кто же морда-то? Скажем: две пьяные морды.

— Да еще по шее накладывают, — ехидничал старик.

— О?

— Да протокол составят.

— О? — все больше тарасились глаза молодого человека.

— Да в титы. Посиди, голубчик, охладись, а то чувствителен больно.

Молодой человек задумался и торжественно провозгласил:

— Я с вами больше незнаком, потому что вы вредный человек.

Несмотря на то что эту торжественную формулу он заключил новой звучной икотой, видно было, что он огорчился и весь как-то потускнел, точно по его блаженству прошлись сапожной щеткой. Я понял теперь и причину этого омраченного блаженства: оно было тем отпечатком,

который накладывают на человека ласки и поцелуи любимой женщины. Но на что злился старик?

— Какой мрачный господин, — сказала шепотом девушка, очевидно, намекая на меня.

Мне было приятно, что я замечен и что, главное, замечена моя мрачность. Пусть хоть пожалеют меня эти милые люди, — меня, у которого нет любви.

— Бабушку схоронил, — предположил юноша.

Это предположение было поразительно глупо. Кто бывает так мрачен, схоронив бабушку, и почему именно бабушку, а не дедушку?

— Ха-ха-ха! — звонко рассмеялась девушка, но сейчас же, с своим обычным переходом к милой серьезности, добавила раскаивающимся голосом: — Быть может, он болен, а мы смеемся.

Это была эпитафия, с которой меня снова опустили в пучину небытия, откуда извлекли на одну минуту, чтобы моя мрачность ярче оттенила их светлое счастье. И снова повелся ими серьезный, деловой разговор о загранице, о медицинском институте, о правилах приема в него, о книжках прочитанных и тех, которые нужно еще прочесть, а в этот разговор врывалась шаловливым лучом милая и пустая болтовня, легкая и красивая, словно белая пена на поверхности золотистого крепкого вина. Весь мир казался им пустяком, и каждый

пустяк был целым миром. Чувствовалось то благоговейное внимание, с которым эта высокая, красивая девушка ловила каждое слово, которое скупно, как драгоценность, выпускал длинноволосый юноша. Каким благодарным смехом отвечала она, когда это слово оказывалось умным и острым. Рассыпь сейчас перед ней Цицерон все самые пышные цветы из своего неувядаемого венка, блистай перед ней Гейне всеми перлами язвительной насмешки и мистически-страстной нежности, плачь и хмурься перед нею Данте, соберись тут, наконец, все великие умы и сердца и положи к ногам ее дары свои, она, эта красивая девушка, не обернула бы к ним головы и жадным ухом ловила бы каждое слово длинноволосого молодца. Она смеется, счастливая и благодарная, точно все это: и ее возлюбленный, и смешные пьяные, и сумрачный господин, схоронивший свою бабушку, существуют лишь для полноты ее счастья. Мы не были живые люди, — мы были лишь тени, картинки.

— Как быстро бежит время! — жаловалась она.

— А я не знал, как убить это время!

— Может быть, мои часы спешат?

Маленькие золотые часики сблизились с большими серебряными часами, и обе головы склонились над ними. Но, вероятно, кроме часов,

сблизилось что-нибудь другое, потому что слишком уже долго не определялся настоящий час.

— Кажется, верно? — смущенно сказал женский голос с легкой дрожью.

— Верно! — авторитетно сказал юноша.

Верно! Как слепы эти счастливые люди. Неверно! Тысячу раз неверно! И проклянете тот день, когда ваши часы пойдут так правильно, что ни в одной убитой минуте вы не ошибетесь, и маленькие часики далеко от вас будут отбивать такие же грустные и пустые секунды!

Тучи уже проходили, и на западе прямо против платформы светлой полосой проступило чистое, прозрачное небо. На нем чернели, как вырезанные из плотной бумаги, силуэты разбросанных деревьев. Свежее и суше стал воздух, на ближайшей даче глухо зарокотал рояль, и к нему присоединились согласные, стройные голоса.

— Пойдем слушать, — быстро вскочила девушка и потащила за рукав неуклюже поднимавшегося юношу.

Пойдем и мы, — пусть до конца оттаивает застывшее сердце. Пели хорошо, как редко поют на дачах, где каждая безголосая собака считает себя обязанной к вытью. И песня была грустная и нежная. Мягкий, красивый баритон гудел сдержанно и взволнованно, как будто подтверждая то, на что страстно жаловался высокий и звучный

тенор. А жаловался он на то, что дни и ночи думает все о ней одной.

— Об одной тебе думу думаю,⁶ — плакал тенор.

— Думу думаю, — грустно соглашался баритон.

— Об одной тебе, моя душечка, — звенел слезами тенор.

— Душечка, — мягко подтверждал баритон.

— И умру я, жизнь проклинаячи, об одной тебе вспоминаючи...

— Об одной тебе вспоминаючи, — с глубокою тоскою подтвердил баритон, и все стихло.

Впереди меня молча и неподвижно стояла парочка и, когда песня кончилась, разом вздохнула — и поцеловалась. Я отправился на платформу, откуда послышался отчаянно-фальшивый голос, беззаботно обходившийся всего двумя нотами,

---

⁶ *Об одной тебе думу думаю...* — Романс Федора Соколова «Успокой меня» на тему вальса Йозефа Ланнера. Автор слов не установлен. Л. Андреев приводит их с некоторыми отступлениями от печатного оригинала (см.: Песни московских цыган, № 14. М., изд. К. И. Мейкова, 1869). Впоследствии в новой обработке романс издавался под заглавием «Моя душенька». См.: Умчались года... Старинные романсы. М., Музыка, 1977.

одинаково скверными: простым криком и диким криком. Молодой человек с золотым сердцем не мог остаться нечувствительным к любовному призыву и отвечал, как умел...

Ничего мне... на
свете... не нада-а...
Только видеть тебя
одноё...

— Врете! — шипел старик, пытаясь заглушить кричащего. — Дубину хорошую надо!

Бедный старик! Теперь я понял, почему он так злился. Он завидовал, как и я.

Потрещал звонок, извещающий о выходе поезда, и вскоре послышался тот же ровный и тихий гул. Сейчас поезд унесет меня отсюда, и навеки исчезнет для меня эта низенькая и темная платформочка, и только в воспоминании увижу я милую девушку. Как песчинка, скроется она от меня в море человеческих жизней и пойдет своею далекой дорогой к жизни и счастью.

Снова из-за стены вырвалось черное чудовище и, сдержанное могучей властью, остановило, вздрагивая, свой стремительный бег. Находя друг на друга и треща и скрипя тормозами, проползали вагоны и остановились с глухим стуком. Стало тихо, и только шипел воздух, выходя

из тормозных труб.

Пьяных действительно на поезд не пустили, и старик с злорадством говорил:

— Что? Поехали?

— Нич-чево. Поедем на следующем.

— А на следующем и по шее накладывают.

Я стоял на площадке вагона, против длинноволосого юноши, пристально смотревшего на высокую, стройную фигуру, таким же продолжительным взглядом впившуюся в него. Поезд дернулся и плавно пошел, отрывисто стуча и покачиваясь на стыках рельсов.

— До свиданья, Саша, — сказала девушка.

— До свиданья, — ответил он.

— Прощай, — тихо молвил я, склоняя голову.

— До завтра! — донеслось уже издали и глухо.

— До завтра! — крикнул он.

«Навсегда», — ответил тихо я. «Навсегда», — прощались со мной черные силуэты деревьев и убегали назад. «Навсегда», — сказала платформа и скрылась за поворотом.

Однако пойти в вагон, а то становится холодновато: мечты мечтами, а насморк насморком. Да заглянуть заодно и в записную книжку: куда и куда бежать мне завтра спозаранку.

МИЛЫЕ ПРИЗРАКИ

Драма в четырех действиях

Действующие лица

Михаил Федорович Таежников , бывший студент.

Тимофей Аристархович Горожанкин , чиновник, пьяница.

Елизавета Семеновна , его жена, чахоточная.

Таня , их дочь, двадцать лет.

Сеня , горбатенький, их сын.

Егор Иванович Монастырский , хорист, друг Таежникова.

Генеральша Тугаринова .

Раиса Филипповна Тугаринова , ее дочь, красавица.

Гавриил Прелестнов , отставной капитан, кабацкая душа.

Паулина (Полина) Ивановна Мюллер , подруга Тани.

Иван Алексеевич Незабытов , известный поэт, редактор журнала.

Григорий Аполлонович , известный критик.

Яков Иванович , старичок из богадельни.

Ванька , Митька , Степа — пьяные.

Действие происходит не в наши дни.

Действие первое

Летний Петербург, пора белых ночей.

Квартира чиновника Горожанкина в полуподвальном помещении. Состоит она из двух комнат: в одной, где кухня, спит и живет семья Горожанкина, во второй, что на сцене, помещается он сам, и в светлом углу, за ситцевой перегородкой, проживает бывший студент Михаил Федорович Таежников. Два окна под потолком выходят на узкий и темный двор, где в настоящую минуту — часов пять дня — играют и кричат дети со всего многоэтажного дома. Нищета в квартире отчаянная, подвал сырой, заливаемый в наводнения, обои местами набухли и отлипли; и такой же нищенский мутный свет в оконца. В отделении Горожанкина — его кровать, стол и два хромоногих стула, да еще на стене кое-какое старое форменное платье; есть еще кресло, когда-то было обито кожей, а теперь через порванную клеенку лезет мочала. У Таежникова — столик для письма и стул; под столом несколько книг, на гвоздике старая черная пара платья и ничего другого, тут все имущество. Бедность во всем непокрытая, но видна забота о чистоте, даже желание как-нибудь приукрасить жилище: на стенах у Горожанкина приклеены хлебным мякишем иллюстрации из журналов, подметено

чисто, у порога половичок, а на обоих окнах кисейные занавесочки; у студента даже цветок на окне — чахлая герань с единственным красным цветочком.

При начале действия Таежников нет дома: он ушел в редакцию журнала за ответом по поводу своей рукописи. Таежников — среднего роста, красивый, очень бледный молодой человек с неестественно горящими глазами и угольно-черной бородкою. Горд и от гордости застенчив: на людях сутулится, смотрит боком и исподлобья, но, когда один или в минуты сильного волнения, выпрямляется и так же прямо смотрит. Переходы в настроении очень резки и порою непонятны для окружающих.

На сцене, когда поднимается занавес, трое: Елизавета Семеновна, дочь Таня, красивая, скромная девушка с робким лицом, и старичок из богадельни, бывший чиновник, Яков Иванович; одет в старенький вицмундир. Елизавета Семеновна в мучительном состоянии: нынче муж ее, Тимофей Аристархович Горожанкин, получает жалованье и должен был принести его домой, но вместо того, очевидно, отправился с товарищами в кабак; пропадает приготовленный в виде сюрприза обед, и неизвестно, как поступить с приглашенным гостем, Яковом Ивановичем, который, будучи глух, не понимает происходящего и кротко ожидает

обеда. В то же время заболел сильной простудой и горбатенький сын Сеня, мальчик лет двенадцати, лежит в соседней комнате в жару. По виду Елизавета Семеновна худая, костлявая, когда-то красивая дама, выдавшая лучшие времена; в порывистых движениях ее, крайнем волнении и горделивых манерах, не соответствующих обстоятельствам, чувствуется начало душевной болезни. Одева в заношенное, но парадное платье, на голове грязноватая кружевная наколка. С крайним волнением, стоя в стороне, следит за тем, как Таня безуспешно уговаривает старика.

Таня (громко). Яков Иваныч! У нас Сеня заболел... Сеня заболел, Сеня!

Яков Иванович (деликатно). А? Да, да. Хорошо. Еще рано, да.

Таня. Сеня заболел, у него жар, слышите? Яков Иваныч!

Яков Иванович (улыбаясь, все так же деликатно). Да, да, я подожду. Жарко? Нет, не жарко, ничего. Я подожду.

Елизавета Семеновна (в крайнем нетерпении). Нет, оставь его, Таня, это возмутительный старикашка, я просто не могу его видеть. Ну чего он улыбается, ну что тут смешного?

Таня. Не беспокойся, мама. Я его отправлю, он уйдет.

Елизавета Семеновна. Как же я могу не беспокоиться? как ты странно говоришь, Таня, извини меня! Человека звали обедать, человек слепенький, глухой, из богадельни, его звали обедать, он кушать хочет, а теперь говорят: идите домой, обед не будет!

Таня. Кто же мог думать...

Елизавета Семеновна. Кто? Все, кроме нас! Твой отец бесчестный человек: зачем он клялся, божился на икону, что вернется трезвый и принесет жалованье? Он бесчестный, клятвопреступник, и я буду молить Бога, чтобы он умер! Я денег заняла на обед, я ему сюрприз делала, у нас гость... и опять! и опять! *(Плачет, отворачиваясь от старичка, и кашляет.)*

На дворе, за открытой форткой, слышнее крик играющих детей.

(Сквозь слезы.) Закрой фортку, я не могу слышать, как они там кричат!

Таня *(закрывая).* Они играют.

Елизавета Семеновна. И Сеничка играл бы с ними... горбатенький... За что все не любят горбатых? За что Тимофей Аристархович не любит Сеничку, разве Сеничка виноват, что у него горбик? Какой негодяй твой отец! *(Кашляет.)* Предложи ему чаю.

Таня. Кому?

Елизавета Семеновна *(раздраженно)*.
Якову Иванычу! Слышишь, сейчас же предложи.

Таня. Хорошо, я предложу.

Елизавета Семеновна. Котлеты совсем перегорели, теперь хоть собакам выбросить... а сам просил с луком... подлый человек! — Михаил Федорович где?

Таня. Ушел по делам.

Елизавета Семеновна заглядывает в комнатку Таежникова, слегка поправляет постель и поднимает с пола соринку.

Елизавета Семеновна. Ну кто у нас останется жить при таких условиях? Ты поливала цветочек, Таня, он сухой... не надо забывать, мой друг. Михаил Федорович такой благородный, такой великодушный юноша... Смотри: он опять улыбается! Ну что это за дурак, что он думает? Он все ждет обеда... *(Вспыхнув.)* Яков Иваныч, уходите, слышите!

Яков Иванович продолжает деликатно улыбаться, кивая головой.

(Топнув ногой.) Нет, я положительно не могу! Приходят, когда в доме такое несчастье...

ребенок в жару, отец где-то пьянствует, с какими-то мерзавцами, которые не боятся Бога! Я не могу!..
(Выходит, кашляя.)

Таня говорит старичку на ухо громко.

Таня. Яков Иваныч, миленький, обеда сегодня не будет, идите.

Яков Иванович. Что? Не будет... да, да, я подожду.

Таня. Обеда совсем не будет, идите домой, миленький, домой. Мне так жалко...

Яков Иванович. А, домой... (Встает, растерянно.) Да, да, я пойду, извините... я думал... извините... (Встает.)

Елизавета Семеновна окликает из дверей.

Елизавета Семеновна. Таня!.. Дай ему, я завернула котлетку, пусть хоть дома поест.

Таня. Подождите, Яков Иваныч... Вот возьмите, миленький, и еще двадцать копеек, не уроните.

Яков Иванович. Я в платок заверну. (Бормочет.) Спасибо, спасибо...

Завертывает в платок монету. Таня тихонько направляет его к двери. Вошла Паулина

Мюллер, подруга Тани, полнотелая немка-девица из Риги с густо накрашенными щеками и наивным взглядом голубых, немного бараньих, подведенных глаз. Одета вызывающе, неряшливо и бедно. Тяжело устремляется к Тане и отнимает ее восторженно и страстно.

Паулина. Моя милая Таньхен, мое сокровище, мой ранний светик!.. Но что ты невесело глядишь, мое сокровище?

Таня. погоди минутку, Полина, мне надо проводить Якова Иваныча...

Паулина. А я его и не подметиль... здравствуйте, старичок! Какой он сегодня авантажный, просто прелесть! Яков Иваныч, у вас есть невеста?

Таня. Оставь, Полина, он домой идет. Идите, Яков Иваныч, идите, миленький.

Что-то сообразив, Яков Иванович шамкает на ухо Тане.

Яков Иванович. Тимофей Аристархович, а?.. Запил, а?

Таня. Да.

Яков Иванович, сделав плачущее лицо, как у старухи, долго, соболезнующе и деликатно

покачивает головой, уходит. Девушки одни.

Паулина. А папа нет дома?

Таня. Нету. *(Тихо плачет.)*

Паулина *(моргая глазами).* Та, та, та... нету папа, Запиль папа, да? Какая свинья! Его надо бить палками, твоего папа. Голодный семья, больной дети, а он пьет в кабаке, фи!

Таня. Он сам несчастный.

Паулина. Ну-х, у тебя все несчастный, ты всех жалеешь. Он разбойник, его надо в тюрьму! Если он несчастный, так зачем он всех бьет кулаками, зачем он бьет горбатый Сеничку? Его самого надо бить... ну, ну, что я такое говорю, как самашедшая — ты и меня жалеешь. Не плачь, мой светик, а то... я тоже буду реветь! *(Плачет.)*

Таня *(улыбаясь).* Глупые мы с тобой, Поляночка.

Паулина. Я очень чувствительна. *(Вытирает слезы.)* Смотра, я не размазалась? Ах, эти глупые слезы! *(Пудрится, поправляет, посплюнув палец, перед карманным зеркальцем глаза и прическу)* Марьяжить сегодня не пойдешь?

Таня. Нет. Сеничка еще заболел, у него жар.

Паулина. Так... У Сенички жар, а придет этот разбойник и будет еще бить его... *(Прячет зеркальце.)* Я буду с Маней ходить. — А студент где?

Таня. Пошел по делам.

Паулина. Я его боюсь, он такой благородный... Но какой он бедный, бедненький студентик. *(Вздыхая.)* Все студенты бедный.

Таня. Полина, а зачем ты с утра подводишься?

Паулина. Зачем? А затем, что я такая рожа с утра, если не покрашу... знаешь, в зеркало нельзя смотреть самому! А еще — погляди — мне мой Ванька вчера синяк делал вот... Правда, совсем не видно? Я его покрасил, правда хорошо? *(Тихо.)* А твоя мама там, я ее боюсь? *(Вздыхая.)* У тебя такая красивая мама. Она так говорит со мною, как будто я совсем благородная... девица Паулина фон Мюллер! *(Смеется.)*

Таня. Мама со всеми так говорит.

Паулина. Ну да, она хочет думать, что все благородный, а то тогда как ей делать? Всем в рожу плюнуть? *(Вздыхая.)* Ах, я с утра должна накрасить себе щеки и немного выпить пива, а то я совсем не хочу жить. Надо, чтобы мне было весело, совсем немножко весело. Хочешь, я спою тебе новую песенку, меня мой Ванька учил. «Караул, разбой, батушки мои, мои!...»

Таня *(испуганно).* Перестань, что ты! Мама услышит, что ты еще выдумала!

Паулина зажимает себе рот, сдавленно

смеется. Таня, улыбаясь, смотрит на нее; растроганная Паулина обнимает ее, прижимается, нежно приглаживает волосы и ворует.

Паулина. Волосики мои, кудряшечки мои... Какая ты хорошенькая, Таньхен, ты совсем красивая девица, ты на барышню похожа. Знаешь, у которых ножки так и волосы так, так!.. Только зачем заплаканы глазки? И зачем серые щечки? Ах, зачем серые щечки, Таньхен? — Ты очень любишь студента, Таньхен?

Таня (отодвигаясь, укоризненно) . Ты опять, Полина? Сколько раз я просила тебя не говорить глупостей. Любовь!

Паулина. Зачем не любить? Люби. Он такой бедненький студентик!..

Таня. Полина!..

Паулина. А я Ваньку люблю. Я твоего студента боюсь. Зачем мне Ванька синяк делал? Черт поганый! Я ему сама морду буду бить... что ты, Таньхен?

Таня (отойдя, после молчания). Зачем ты ходишь ко мне, Полина?

Паулина. Как — зачем? Ты моя подруга, и я очень, очень люблю тебя.

Таня молчит, отвернувшись. Паулина

мучительно краснеет, почти плачет.

Ты не велишь мне, чтобы я ходиль? Ты хочешь, как мама, чтобы все было благородный... да? Извини меня, Таньхен, я простая девушка и не понимаю, что говорю. Ежели ты не велишь, чтобы я к тебе ходиль, я в Неву брошусь.

Таня обнимает Паулину, и та нерешительно и нежно кладет голову ей на плечо. Молчание.

Таня (*тихо*). Не надо про любовь.

Паули на (*тихо*). Не надо.

Таня. Какая у нас может быть любовь? Погибшие мы, Полиночка, последние люди на земле, как козявки: кто пройдет мимо, тот и наступит и раздавит. Благородство, отец чиновник, когда-то хорошую службу имел... а вот придет отец пьяный, ночью, чиновник-то этот, и такое благородство покажет!.. Нет, ты лучше нас, Полина. Ты на Бога прямо смотришь, какая ты есть, а мы все глазами косим... благородные!

Паулина. Нет, ты такая хорошая, Таньхен. Ты, как мама.

Молчание. Обе задумались.

Таня. И зачем люди живут, зачем мучаются,

когда так легко, так просто умереть!

Паулина (*тихо*). Я тебе говорил: купим спичек, отломаем красные головки и все тут... как Дунька сделал. Ах, как она мучалась от этих спички, должно быть, мало положили... мы много положим, Таньхен? А?

Таня (*вздвигнув*). Нет!

Паулина. Или в Неву...

Таня (*вставая*). Нет! Не говори. Оставь. Потом, потом. Ах, Господи!.. Так надо, так надо! (*Беспокойно и испуганно ходит, слегка поламывая пальцы.*)

Паулина. Что надо?

Таня. Не знаю. Так надо, так надо... надо терпеть. Ах, Господи!.. Полина, — что я хотела тебе сказать? Я сегодня не пойду, дай мне два рубля до завтра, нет, до послезавтра, Сене лекарство понадобится.

Паулина. Хоть всю меня возьми, сокровище мое! Вот на, здесь три рублика... я завтра хотел новую шляпу купить, у этой Ванька ленту оборвал, такой поганый черт! Все равно, и эта хороша. Знаешь, купи горбатенькому монпасье, пусть сосет, и ему тогда веселее будет!

Таня (*улыбаясь*). Он мороженого на десять копеек съел, я ему денег дала... я уж маме и не говорю* Глупенький мальчик, никаких у него радостей нет... мальчики в игру его не

принимают...

Паулина. Меня сегодня один мальчишка камнем бросил, а я его за вихор отодрала... тоже Ванька какой! — Ах, к студенту гости!..

Вошли Егор Иванович Монастырский и отставной штабс-капитан Гавриил Прелестнов. Монастырский юн, непомерно длинен, безбородое лицо угреватое, одет бедно, держится он неуклюже, с некоторой застенчивостью, говорит круглым басом, откашливаясь. Капитан лыс, краснонос, из всех пор дышит алкоголем и ненарушимым душевным спокойствием. Здороваются — все давно знакомы.

Монастырский. Виноват, Михаила Федоровича нет? Здравствуйте, Татьяна Тимофеевна, здравствуйте, Полина Ивановна.

Прелестнов. Салют, медам! Фух, жара какая на улице... а у вас тут, приятно.

Таня. Садитесь, Егор Иванович...

Монастырский. Я про Михаила?..

Таня. Он просил вас подождать... он в редакцию пошел.

Монастырский. А!..

Короткое молчание.

Прелестнов. Приятнейшая прохлада-с, точно на даче живете.

Таня (*улыбаясь*). У нас тут в наводнение на два аршина воды было, так и не просыхает.

Прелестнов (*хохочет*). Значит, и морские купания? Егор, слышал?

Монастырский. Слышал, не бубни. Давно пошел Михаил?

Таня. Давно. Сегодня ему обещали ответ... вы знаете.

Прелестнов. А мы-с в трактире «Палермо» подвизались на бильярдики. Прохладное заведеньице... Жорж, сигарету?

Монастырский. Все вышли сигареты. — Как ваши, все ли здоровы, Татьяна Тимофеевна?

Таня (*опуская глаза*). У Сенички простуда, жар, а отец... еще не приходил...

Монастырский. А!.. Понимаю-с. Так-то-с, да — нехорошо.

Молчание.

Паулина. Егор Иваныч, у вас есть невеста?

Монастырский (*смущаясь*). У меня? Нет, нет-с.

Паулина. Фи, какой вы! Отчего же у вас нет невесты? Или вы не хотите?

Таня. Полина!..

Прелестнов. Куда ему, с его физиономией и неопределенным положением в обществе... хорошо, что хоть на чужих свадьбах попеть дают! Правда, Егор?

Паулина. Нет, он очень милый. А если я в вас влюблюсь, а? Тогда что? (*Хлопает в ладоши.*) Он покраснел! А вы можете побить одного человека, его зовут Ванька? Такой черт поганый!

Монастырский. Могу-с! (*Смеется.*) Вы лучше в капитана влюбитесь.

Прелестнов. Не советую-с. Безнадежен-с. С тех пор как Вечный Судья мне дал женщину⁷, которая носит мое имя, — враг любви-с. Враг, и непримиримый! Как прелестно выразился поэт:

Увы! Ничто не
вечно!
Мое блаженство с
ней
Казалось
бесконечно...
В течение трех дней.

---

⁷ С тех пор как Вечный Судья дал мне женщину... — перефразировка строк стихотворения М. Ю. Лермонтова «Пророк» («С тех пор, как вечный судья мне дал всеведенье Пророка...» — 1841).

Жена моя в гробу —
Рабу...⁸

Таня. Тише... мама.

Входит Елизавета Семеновна, церемонно приветствует пришедших.

Елизавета Семеновна. Я слышу голоса... Здравствуйте! Как ваше здоровье, капитан? Добрый вечер, фрейлейн Паулина. Садитесь, господа.

Прелестнов. Как изволите чувствовать себя, достоуважаемая Елизавета Семеновна? Погода прекрасная...

Елизавета Семеновна. Благодарствуйте, капитан, хорошо. Сегодня моего Тимофея Аристарховича задержали на службе... генерал всегда дает ему особые поручения, и вот... да, погода прекрасная. Как здоровье ваших родителей, фрейлейн Паулина?

Паулина *(делает неловкий книксен)*. Моих родителей... Ах, мерси, благодарю, очень хорошо.

Елизавета Семеновна. Летом так душно в

---

⁸ «Увы! Ничто не вечно!..» — куплет из песни В. С. Курочкина «Плачущий муж», вольный перевод стихотворения П.-Ж. Беранже.

Петербурге. Прежде мы каждое лето ездили на дачу... вы на даче изволите, капитан?

Прелестнов. Да-с, на свежем воздухе.

Елизавета Семеновна. А ваши родители, фрейлин Паулина?

Паулина. Мои родители?..

Елизавета Семеновна. Куда ты, Таня?

Таня. Я хочу посмотреть Сеничку.

Елизавета Семеновна. Да, я как раз хотела попросить тебя, мой друг, взглянуть, что с ним: кажется, он бредит... подожди, мы пойдем вместе. *(Вставая.)* Это такая забота, дети... вы извините, господа? Добрый вечер, капитан. Добрый вечер, фрейлейн Паулина. *(Громким шепотом.)* Отчего ты не предложишь им чаю, Таня?

Выходят обе. Паулина, снова делавшая книксен, раздражается гневными восклицаниями.

Паулина. Нет, я больше не могу! Зачем она спрашивает меня про каких-то родителей, она каждый день меня спрашивает, что я, кукла? Я ей раз сказал, что у меня нет родителей, я ей два сказал, что у меня нет родителей, так чего она хочет? Или она смеется? Или она думает, что я к ней конфирмоваться пришел? Я уличная девушка и другой раз крикну этой даме: пусть черт возьмь моих родителей!

Капитан хохочет.

(Почти плача.) Она может быть святая, если хочет, а я не хочу быть святой. Мне Ванька синяк делал, я сегодня пиво лакал, а она спрашивает: родители! Или я такая кукла, которая закрывает глаза так, и тогда ей можно про всякую вещь... всякую вещь... Я не хочу!

Прелестнов хохочет.

Монастырский. Успокойтесь, Полина Ивановна, вы же знаете, какая она несчастная женщина... Господь ее знает, может быть, она давно уже и с ума сошла, и только мы этого не примечаем... А ты чего смеешься?

Прелестнов. Смешно!

Монастырский. Нет, ты чего смеешься?

Прелестнов. Да как же, брат... родители, ха-ха! Фрейлейн Паулина... родители... смешно!

Монастырский. Нет, ты чего смеешься?

Прелестнов. Но, позволь... ведь это же чистейший, так сказать, юмор, и...

Монастырский *(презрительно)*. Осел!

Прелестнов. Но, но, Жорж, — такие выражения недопустимы!

Монастырский. Женщина кровавыми

слезами плачет, а ты ржешь, а? Тебе смешно, подлецу, пьянице? Ты знаешь, кто была Елизавета Семеновна, как они жили, пока этот, ее супруг, краснорожий мерзавец, такой же пьяница, как и ты, не вверг ее в эту нищету, в этот позор, а?

Паулина (*всхлипывая*) . Таничка пансионе училась, где благородный девиц...

Монастырский. Ты знаешь, что у нее уже двое Детишек умерло, и вот третий, горбатенький... а? А Татьяна Тимофеевна, которая для спасения голодных детей... и это смешно, а? Смеешься? — Осел!

Прелестнов. Извини, Егор, но... ты совершенно прав! *Осел*, каюсь. Обольщен, так сказать, внешним видом и... мне стыдно-с. Гавриил Прелестнов пьяница, так издревле повелел рок его судьбы, он позорен, он за двугривенный к потехе низкой черни пролезет под бильярд... и обратно-с! — но он рыцарь! Как прелестно выразился поэт: «подзовем-ка ее да расспросим»⁹... а я забыл, как тать в ноци. Извините, Полина Ивановна, умоляю. Пред кем еще извиниться, Егор, говори!

Монастырский. Ты же и не дурак, капитан,

---

⁹ «Подзовем-ка ее, да расспросим...» — строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Убогая и нарядная» (1859).

и не зол...

Прелестнов. Верно, Егор, верно: и нисколько не зол!

Паулина. Капитан очень добрый.

Прелестнов. Полина Ивановна, ангел вы мой... Пристыжен, форменно пристыжен-с! Смеялся, как Гарпагон¹⁰! Тут такое несчастье... воистину одни горькие слезы да надгробные рыдания, а я...

Монастырский. Надо будет сюда еще ночью заглянуть, когда этот вернется... Михаил в тот раз насилу с ним справился один. Его связывать надо, а Миша не силен... (*Увидя входящую Таню.*) Так-то, Гавриил, вот ты и опять вляпался!

Вошла Таня.

Прелестнов. Опять, Жорж, но больше — клянусь! Пароль донер!¹¹

Таня. Еще не вернулся Михаил Федорович?.. Да, у Сенички жар сильнее, бредит, я ему компресс положила... бедненький, ему даже

---

¹⁰ *Гарпагон* — имя героя комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой», стало нарицательным для обозначения скряги.

¹¹ Честное слово! (от *фр.* Parole d'honneur!)

трудно на спинке лежать, и в бреду он не понимает, что это мешает ему...

Прелестнов (сочувственно). Да-с, в природе вещей горба или, так сказать, горбика не существует, и, как невинное дитя, еще не привыкшее к сей юдоли... печально-с, печально!

Молчание.

Таня. Как долго нет Михаила Федоровича... Господи, хоть бы ему посчастливилось! Неужели ему опять вернут рукопись — как вы думаете, Егор Иваныч?

Монастырский. Думаю я грустно, Татьяна Тимофеевна. Ничего не выйдет у Миши, вот что я думаю.

Таня. Но ведь это так хорошо написано, вы же сами плакали, Егор Иваныч, когда он читал нам... и капитан плакал!

Монастырский. Что наши слезы! Вы несерьезный критик, Татьяна Тимофеевна: раз вы заплакали над книжкой, так думаете уже, что и хорошо?

Таня. А то как же? Или вы не верите в его талант?

Монастырский. А что такое талант, Татьяна Тимофеевна? Мало ли людей и с талантом пропадает, вы сами знаете. Нужна справедливость,

Татьяна Тимофеевна, а где она? Нужны добрые, отзывчивые сердца, которые своим теплом согрели бы одинокого человека, нужен просвещённый ум, чтобы понять и оценить, а где все это? Лучше и не ищите, Татьяна Тимофеевна, нигде не найдете.

Паулина (*важно*). Это — правда. Он правду говорил.

Прелестнов (*вдумчиво*). Истина святая! Что талант, что добродетель, когда придет любая хрюкающая свинья, посмотрит на тебя и съест! Продолжай, Егор.

Монастырский. Михаил — человек гордый, он скорее руки на себя наложит, нежели поклонится лишний раз...

Прелестнов. И это не годится!.. извини, Егор.

Монастырский. А как можно жить без лишнего поклона, сами посудите! Там, где мы с вами только улыбнемся на выходку хама, Михаил видит оскорбление святыни и жестоко страдает... эх, к нему и другу-то подойти нелегко! Мне на его бледность и горящие глаза смотреть страшно... говорю все это в сознании, что вы его столь же искренний друг, Татьяна Тимофеевна, как и я.

Паулина (*горячо*). Мы все его друзья, он такой милый студентик!

Монастырский. Выгнанный-с, выгнанный — уволен по причине бедности.

Таня. Он вчера не ел весь день. Сказал мне, что ходил в харчевню, а я знаю, что он никуда не ходил.

Прелестнов. Вот это уже глупо! Егор?!
(Намекает.)

Монастырский. Попробуй, предложи... он тебе такого предложит!

Прелестнов. Ну, и окончательно глупо... это уже какой-то аристократизм! Извини, Егор, я, может быть, опять ошибаюсь, но, когда товарищеская рука, в порыве благородных чувств, протягивает кусок хлеба... и отказываться — это уже пошлый аристократизм!

Монастырский. Я то же думаю. Ничего не поделаешь с ним.

Прелестнов. Ты знаешь, я далек от всех этих... утопий, но хлеб, воздух и спиртные напитки должны принадлежать всем, и я не понимаю этого само-о-граничения!

Паулина. Все люди должны кушать.

Монастырский (думая). Значит... значит, он и сегодня не ел?

Таня. Да, Егор Иваныч, а вы не думаете... вдруг повесть его взяли и дали ему денег? Егор Иваныч, голубчик?

Все немного взволнованы этой мыслью.

Монастырский. Что ж... все может быть. Вот тогда!.. Капитан, — выпьем тогда?

Прелестнов. Я, Егор, больше с горя привык, но могу и с радости... дербалызнем! Но должен сказать откровенно-с, что мне лично произведения Михаила Федоровича Таежникова... что они не в моем жанре-с. Конечно, слезы, но... зачем так грубо? Зачем эта низменная проза? Конечно, талант, и теперь вообще такое направление, чтобы непременно какую-то пр-а-а-вду и чтобы даже хрюкающая свинья нашла свое, так сказать, свое отражение в искусстве изящной словесности... но где же тогда изящество? Где же тогда полет и вообще благородство? Маркиз Поза¹² гражданин вселенной — это я понимаю. Это-с внушает мне трепет, и я!.. а ежели вы мне опять про водку, да опять про наши свинства, да — опять...

Монастырский. Погоди, Гаврюша: он и тебя выведет.

Прелестнов. Меня? (*Несколько опешив.*) Но с какой же стати? Надеюсь, — не для

---

¹² *Маркиз Поза* — герой романтической драмы Ф. Шиллера (1759–1805) «Дон Карлос» (1783–1787) маркиз де Поза, мальтийский рыцарь, «гражданин мира», мечтавший о преобразовании человеческого общества и пожертвовавший своей жизнью во имя дружбы.

обличения? Конечно, ежели в благородном виде как жертву семейных обстоятельств... нет, ты шутишь, Егор!

Все смеются, даже Таня.

Монастырский (*серьезно*). Татьяна Тимофеевна, хотел я вас спросить: гости сегодня у Михаила не бывали?

Таня (*удивленно*). Какие гости? У него, кроме вас, никто не бывает. Но... Неужели?! Егор Иваныч, они?

Монастырский (*несколько смущенно*). Дач; Генеральша Тугаринова с дочерью Раисой. Встретили меня третьего дня на улице, мы с капитаном шли, и хотя сперва отвернулись весьма презрительно, — уж очень оборван я! — но потом сообразовали вступить в беседу и спросили адрес.

Таня (*всплескивая руками*). И вы дали? Ах, Егор Иваныч, что же вы сделали! Он их видеть не хочет, слышать о них...

Монастырский (*пожимая плечами*). Что ж поделаешь — родственники.

Прелестнов (*вставая*). И весьма важные, должен засвидетельствовать. А дочь красавица, и если бы Михаил Федорович господин Таежников был не таким беспочвенным идеалистом...

Монастырский. Гавриил!

Прелестнов. Кес-ке-се? Же компран¹³, не беспокойся. Но Егор прав: такими родственниками пренебрегать нельзя, и засим... чрезвычайно жаль прерывать столь интересную беседу, но в «Палермо» у меня назначено рандеву... с одним мошенником! как он разбивает прирамидку! — на два слова, Егор.

Паулина. Я тоже ухожу с вами. Мне пора. *(Нежно целуется, прощаясь, с Таней, что-то шепчет ей успокоительное.)*

Капитан отвел в сторону Монастырского.

Прелестнов *(душевно)*. Ты же приходи, Егор! Я без тебя вроде бездыханного тупа. Понимаешь: хранилища пусты, как... Сыграем, выпьем! Я сегодня в таком ударе!..

Монастырский. Хорошо, приду. Честное слово, приду. Ты пока закажи там графинчик...

Прелестнов. Егор, ты и сам не подозреваешь, до чего ты прекрасен!.. Татьяна Тимофеевна, позвольте пожелать...

Паулина. Прощайте, Егор Иванович.

---

¹³ Что такое? Я понимаю (от фр. Qu'est-ce que c'est? Je comprend).

Уходят. *Капитан вежливо открывает даме дверь. Здесь недолгое молчание и возмущенное восклицание Тани.*

Таня. Как вы могли сделать это, Егор Иваныч? Они злые люди. И Раиса Филипповна — злая и вредная. *(Горько.)* Конечно, красавица!..

Монастырский. Не столько злые, сколько надменные и непонимающие.

Таня. Они оскорбили Михаила Федоровича!

Монастырский. Тем, что на конце стола-то посадили как бедного родственника и унизили перед гостями? Не в этом дело, Татьяна Тимофеевна, это только предлог.

Таня. А в чем? Она его не любит, она лжет про свою любовь.

Монастырский. Кто знает!

Таня. И Михаил Федорович не любит ее, он сам мне сказывал. Это она хочет, чтоб он покорился ее красоте, а он никогда не покорится, никогда!

Монастырский *(мягко).* Кто знает!

Таня. Она как рабу бросает ему свою любовь, а он никогда не был рабом и не будет! Видно, вы плохо его знаете, Егор Иваныч!

Монастырский. Это его слова про «раба»? Узнаю Мишу по его стилю... не ваш это стиль, Татьяна Тимофеевна. И скажу вам серьезно: кто мы такие, чтобы вмешиваться во все это и решать

по-нашему?

Таня. Дальше. Вы его друг, а я?..

Монастырский. Кто мы такие, чтобы в столь важный и таинственный вопрос, как любовь двух молодых и прекрасных людей — правда, быть может, излишне гордых — вводить наши маленькие соображения?.. Что вы, Татьяна Тимофеевна?

Таня (*бледная, улыбаясь искаженной улыбкой*). Я? Ничего. Вы напрасно стесняетесь, Егор Иванович, и зовете меня по отчеству: на Гороховой меня просто кличут Танькой...

Монастырский. Татьяна Тимофеевна!

Таня. С гулящими девушками не стесняются, Егор Иванович. Кто вы сами такой, чтоб в этом разбираться: и почему я на улицу пошла, и куда моя красота девалась, и на чей хлеб мои позорные деньги идут... вы не Бог, чтобы судить и вмешиваться! Если вы и гулять меня с собой позовете, так и тогда я не имею права обижаться, а вы: Татьяна Тимофеевна!.. Просто Танька, Егор Иванович.

Монастырский. Как вам не совестно! Как вам не совестно! Как вам не... совестно!

Мальчишески всхлипывает и отходит в угол, стоит, отвернувшись. Таня молча плачет. На улице еще светло, но в комнате потемнело, в углы набивается мрак. Молчание.

Таня (*тихо*). Христа ради... простите меня, Егор Иваныч.

Монастырский. Ничего. (*Подходит.*)
Сестричка вы моя...

Обнимает ее, приглаживает волосы. Так некоторое время тихо сидят.

Таня (*тихо*). Неужели я так погибла... скажите, Егор Иваныч?

Монастырский. Не погибла, не погибла — зачем погибать? Эх, нищета проклятая, и кто тебя выдумал! Погодите, Танечка, погодите, не век же мы с Мишей будем нищенствовать... вон, говорят, у меня голос хороший, недавно один купец внимание обратил. Погодите, еще так заживем... (*Угрюмо.*) Если только сам до того времени не сопьюсь, не погублю души в зелене-вине. Эх... одна дорога торная открыта к кабаку!¹⁴

Таня. Не пейте, Егор Иваныч.

Монастырский. Нищие мы, оттого я так и говорил давеча... вредны мы для Миши. Нищие мы

---

¹⁴ Эх... одна дорога торная открыта к кабаку! — слегка измененная строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Пьяница» (1845).

и горькие, и нельзя ему нас любить... что ему дадим? Мы, нищие Да убогие, как трясина бездонная, по которой броду нет: или по краюшку ходи, или засосем до самой смерти, тут ему и погибель...

Молчание. За стеною продолжительный кашель Елизаветы Семеновны, здесь такой же продолжительный и тяжелый вздох Тани.

Таня (*тихо*). А Христос любил. «Прийдите ко мне все, труждающиеся и обремененные»¹⁵...

Монастырский. Христос! Так есть ли на свете муки, горше Христовых? И можно ли человека обречь на такие страдания — подумайте, Танечка!..

Молчание.

Таня. Я очень хочу, чтобы Раиса Филипповна была хорошая... она такая красавица. А вы?

Монастырский . Я тоже хочу.

---

¹⁵ «Прийдите ко мне все труждающиеся и обремененные» — слова Иисуса Христа (Евангелие от Матфея, гл. 11, стих 28).

Молчание. Перед дверью шаги, кто-то в темноте нащупывает ручку.

Это Михаил! Вы же ничего не говорите, Таня.

Входит Таежников, не замечая сидящих, проходит к себе. По привычке, сперва зажигает лампочку, потом сбрасывает на постель плащ и шляпу и туда же кидает возвращенную рукопись. Таня тихонько выскальзывает в соседнюю комнату. Таежников вздрагивает и невольно прикрывает рукопись концом плаща. Он бледен, утомлен, бородака углем чернеет на исхудалом лице.

Таежников. Кто тут? Вы — Таня?

Монастырский *(выходя)*. Нет, это я. Здравствуй, Миша. Ну, как, брат, дела?

Таежников *(сухо)*. Хороши.

Монастырский *(как бы не замечая рукописи, кончик которой торчит)*. В редакцию захаживал?

Таежников. В редакцию. А что?

Монастырский. Да ничего, так спрашиваю. Тут капитан был, да не дождался тебя, ушел. Долго ты что-то!

Таежников. Гулял.

Монастырский. Вечер действительно... Миша, может быть, мне лучше завтра зайти?

Таежников. Да, это лучше будет. Завтра зайди.

Молчание. *Таежников упорно смотрит в стену.*

Монастырский. Миша, пойдём в «Палермо»!

Таежников. Нет.

Монастырский. Посидим, графинчик раздавим... закусим. У них орган хороший, музыку послушаем. Я сегодня за двое похорон пять серебром схапал. Пойдем, тебя капитан очень звал... знаешь, у него новая теория, что хлеб, воздух и спиртные напитки должны принадлежать всем.

Молчание. *Монастырский встает и покашливает.*

Ну, Бог с тобой. Значит, завтра зайду... прощай, Мишук.

Таежников. Прощай. — Егор.

Монастырский. Что, голубчик?

Таежников. Надсадил голос?

Монастырский. Кха... вчера, выпивши, многолетие возглашал и вот, того... да у меня голос крепкий, выдержит.

Таежников. Рассчитываешь? Брось, Монастырский, ты уже пропил его наполовину. *(Усмехаясь.)* А дела хочешь — возьми фомку и иди с капитаном на Невский, банкирскую контору взломай. Вернее будет.

Монастырский. Оно вернее, да... кха... полиции боюсь, Миша. Так не пойдешь? Ну ладно, до завтраго, значит. *(Уходит.)*

Таежников один, кладет голову на руки и застывает в неподвижности. В соседнюю комнату давно вошла Таня, прислушивается к движениям студента. При наступившей тишине вздрагивает, как от холода, и нерешительно окликает: «Михаил Федорович!»

Таежников. Таня... ну что? Да войдите сюда. Ну что? — садитесь.

Таня. Отец не пришел.

Таежников. А!.. Глаза заплаканы. Так. Что ж, будем воевать, веревок только припасите. И значит: не бывать бы счастьем, да несчастье помогло — не работаете сегодня? Ночь-то, я говорю, дома, у семейного очага?

Таня. Дома. У Сенички жар, бредит.

Молчание. *Недалеко, на пустыре, поют пьяные фабричные.*

Таежников. Фабричные гуляют. Весело!

Таня (*вставая*). Я вам не мешаю, Михаил Федорович?

Таежников. Сидите. (*Хмуро.*) И что у вас за рабья привычка, Таня, всегда спрашивать, не мешаете ли вы! Кому и чему вы можете помешать? Вы тихи, как мышка...

Таня (*улыбаясь*). Не все любят мышей, я сама их боюсь...

Таежников (*морщась*). Ах, какой вздор! Вы ужасный, вы мучительный человек, Таня, и я вас покорнейше прошу обратить на это внимание. Что вы улыбаетесь? И неужели у вас нет другой улыбки?.. Вы не ангел, Таня, и вы даже не святая, чтобы так улыбаться, — вы...

Таня (*поспешно*). Да, я знаю... не надо, Михаил Федорович. А рукопись вернули?

Таежников. Вернули.

Молчание.

Таня. Не надо отчаиваться, Михаил Федорович. Я бы на вашем месте села и дальше писала, вы такой... способный!

Таежников (*сухо*). Я не отчаиваюсь. Таня, послушайте... как-то так случилось, что я вас еще ни разу не видал за... работой, то есть на улице —

вы понимаете? Скажите, пожалуйста: вы и там такая же? И как они, кого они больше предпочитают, таких вот покорных и безгласных или дерзких, нарумяненных? Да, разные вкусы, конечно. А водку вы также пьете?

Таня. Пью немного... Без водки страшно.

Таежников. Ну, еще бы! Для того она и существует, чтобы рабам и подлецам не так страшно было. Без водочки-то совсем бы плохо, Таня, а? Без водочки, пожалуй, скорее бы в Неву, нежели... а?

Таня. Зачем вы мучаете меня, Михаил Федорович!

Таежников. Вас? *(Усмехаясь.)* Вы полагаете, что я вас мучаю? Нет, это я черта вызываю... это вроде заклинаний для черта, как у древних алхимиков.

Таня. Вы не верите в черта.

Таежников. Как же я могу не верить, когда я только сегодня его видел? Ну да — сегодня в редакции меня черт принимал: попервоначально я обманулся, думал, что настоящий редактор, а потом взгляделся, батюшки: хвост!

Таня. Хвост?

Таежников. Да-с, хвост. И это пустяки, что черт любит тьму: он больше всего любит наши белые ночи. Он и сам, как белая ночь... этакая бесцветная каналья! Мы с ним потом долго гуляли.

На мосту стояли. В Неву глядели. (*Усмехаясь.*)
Да-с, и в Неву глядели. Ну — что?

Таня (*робко*). У вас такие глаза...

Таежников (*хмуро и сердито*). Извините, Татьяна Тимофеевна, но терпеть не могу, когда говорят про мои глаза, вам это известно. Что, опять мучаю? Тогда вот что: я нынче как-то не успел того... забежать поест, так если у вас найдется...

Таня (*радостно*). Я сейчас. Вы такой хороший, Михаил Федорович!.. (*Быстро выходит.*)

Таежников усмехается, потом снова впадает в глубокую задумчивость. Таня приносит на тарелке ломоть хлеба и котлетку: последнюю Таежников откладывает в сторону.

Таня. Сеничке, кажется, лучше, дышит спокойнее. А что же котлетку, Михаил Федорович? Вы только затем кушаете, чтобы мне приятно было.

Таежников (*хмуро*). Вздор-с, нелепая сентиментальность. Ем потому, что хочу есть, а мяса не люблю. (*Ест.*) Я о славе думал. Хорошая вещь слава, Таня?

Таня (*робко*). Я не знаю.

Таежников. Хорошая, хорошая, мне и черт так говорил, когда мы в Неву глядели... (*Переставая есть.*) Ах, как мне мучительно, Танечка! Мучительно! Неужели я бездарен, как они

все мне твердят? Бездарен, бессилён, бесплоден — ах!.. *(Встает и ходит по комнате, бледный, с неестественно горящими глазами.)* Или только благие порывы мне суждены? Бессилён, бездарен! Но ведь я же чувствую этот огонь... этот огонь, и я же, я одной рукой могу... могу... сломать, разрушить всю эту... всю эту! Мне бы только раскрыть... *(царапает грудь согнутыми пальцами)* мне бы только раскрыть это, и тогда я скажу... я такое скажу! *(Замирает с гневно и мощно поднятой рукою. Видит восторженно-испуганное лицо Тани и, усмехнувшись криво, опускает руку. Сквозь зубы.)* Так сказал нищий студент Таежников, которому возвратили рукопись, и он — обижен. Ужасно все это глупо, Таня, глупо и мелко, как плохая мелодрама, которые французы пишут для своих театров. *(Хмуро.)* Иногда я ужасный позер, Таня, и мне просто жаль, что вы дали мне этого хлеба... что это, вы плачете? Таня!

Таня тихо плачет. Молчание. Открывается дверь в подвал, и на пороге показывается пьяный и растерзанный Горожанкин. Лицо его красно и свирепо, глаза хитры и подозрительны, на бритых губах лукавая и злая усмешка. Мгновение слушает тишину дома — и с наслаждением, свирепо и победительно орет.

Горожанкин. Лизка!.. Танька!..

Занавес

Действие второе

Летний Петербург.

Небольшой пустырь («сие место продается») среди каменных глухих стен многоэтажных домов, близко к окраине города. С двух сторон сходится дряхлый, наполовину поломанный забор, где лазы на пустырь; за забором, в пыльно-розоватой дали, гладкие и немые стены высокого дома с оштукатуренной полосой от труб. Вдали одинокая, большая полусохшая береза с редкой листвой по одну сторону ствола; еще дальше три подряд, разного роста, фабричные дымогарные трубы, над которыми стелется легкий дымок. Высокое предвечернее небо белесо, и еле проступает в нем синева; за забором на улице редкие звонки конки. На пустыре грязно: мусор, известка, гряда потемневших досок и бревен от старых лесов, мелкий кирпич. Местами земля вытоптана и приглажена ногами гуляющей по праздникам бедноты, местами пробивается пыльная трава, зеленея гуще под черным сводом досок. Клочки бумаги, коробки от папирос, подсолнечная шелуха. По свисткам пароходов

чувствуется близость Невы. На досках, а то и прямо на земле расположилась гуляющая компания: Таежников, очень веселый, Таня и Паулина, капитан Прелестнов и Монастырский, нынче получивший денег и угощающий. Бутылки пива, стаканы, дешевая закуска. Монастырский и капитан выпивши.

Прелестнов. Сказано бо: враги человеку домашние его ¹⁶. Переходя от аллегии, так сказать, к презренной прозе, поясню в том смысле, что, вырвавшись из недр семьи, — наслаждаюсь, как бутон. Егор! — еще фиал пива!

Монастырский (наливая). Жизнь в трезвом состоянии куда нехороша... Миша, я налил тебе!

Паулина (капитану). Но вы же постоянно пель, что ваша жена в гробу, и еще просиль Бога, чтобы она не возвращался сюда... тогда я не понимаю!

Прелестнов. Увы! Так прелестно выразился лишь поэт. Она — не в гробу!

Паулина. Фи! какой он смешной! Каптэн, но неужели она бьет вас, вы такой большой?

Монастырский. Бьет. При мне била.

---

¹⁶ ...враги человеку домашние его... — слова из Евангелия (Евангелие от Матфея, гл. 10, стих 36).

Прелестнов. За ваше здоровье, медам, за процветание! Бьет-с, и притом всякого рода оружием, холодным и горячим, включая утюг и кочергу. Враги человеку...

Паулина. Но вы же военный, фи!

Прелестнов. Единственно по причине моего рыцарского характера. Кто смеет посягнуть на Гавриила Прелестнова? Никто. Сей головы не дерзнули коснуться ни венгры, ни турки — вот он в полной своей и девственной округленности, — но что могу возразить даме? Я рыцарь, медам. Монастырский, друг, еще фиал пива!

Монастырский. Пей, — рыцарь печального образа¹⁷. Миша, похож он на рыцаря печального образа?

Прелестнов. А хотя бы даже и печального? Не вижу в том позора. Эх, судари мои! Не всегда был печален Гавриил Прелестнов, и на нем-с

---

¹⁷ «*Рыцарь печального образа*» — Дон Кихот — герой знаменитого романа Мигеля Сервантеса де Сааведра (1545–1616) «Славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский», необычайно популярного в России XIX в. К образу Дон Кихота обращались в своем творчестве В. Г. Белинский, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский и Ф. М. Достоевский. В романтической литературе один из наиболее значительных образов носителей философии «мировой скорби».

отдыхали взоры фортуны!..

Монастырский. Не ври, Гаврюша, фортуна слепая.

Прелестнов. Что-с? Ну так это она потом ослепла, потому что не всякий может выдержать этот блеск! эту... эту эту игру красок! этот ансамбль свойств и добродетелей. Моя душа отдыхает, Егор, умоляю, не окисляй мне пива твоими гнусными намеками. Сударыня — по фиальцу?

Монастырский. Веррно, капитан. По фиалу! Играй, Адель, не знай печали¹⁸ — Хариты, Лель — тебя венчали... Нет, он прав: какое счастье вот так распахнуться и вздохнуть всею грудью. Какой воздух, Миша! После наших душных палат не кажется ли тебе благовонным бальзамом, струящимся, как... как...

Таежников. Как эфир.

Монастырский. Как эфир! А небеса? Господа, предлагаю всем лечь на спину и глядеть в небо: какой простор, какая глубина! Капитан, ложись, какого черта!

---

¹⁸ «Играй, Адель, не знай печали...» — романс М. И. Глинки на слова стихотворения А. С. Пушкина «Адели» (1822).

Все ложатся на спину и смотрят, кроме Прелестнова.

Прелестнов. Не могу. Никогда не служив по морскому ведомству, всю мою жизнь страдаю морской болезнью. Лучше ты рассказывай, что там, а я послушаю... *(Наливает пива.)* Хорошо там, брат!..

Паулина *(вскрикивает).* Ой! Я не понимаю, где я, вверху или внизу. Ой, я сейчас упаду туда... *(Садится и с недоумением озирается.)* Я не понимаю...

Прелестнов *(деликатно).* Головка закружилась? Вот это-с и есть, так сказать, опасность воздухоплавания... прошу освежить уста. Егор, слезай-ка и ты с неба, а то также свалишься... что, ошалел?

Монастырский *(садясь).* Ошалел. Опять, значит, на земле?

Прелестнов *(иронически).* Не узнал?

Монастырский. Не узнал. Главное, твоей физиономии не узнал. Кто ты, божественный красавец? Не Адонис¹⁹ ли?

---

¹⁹ *Адонис* — в греческой мифологии прекрасный сын Мирры, превращенной богами в дерево. Младенец, рожденный мировым деревом, отличался редкой красотой.

Паулина. Я тоже раньше не видела, какой у капитана красный нос. Капитан, отчего у вас такой красный нос?

Монастырский. Это его золотят лучи заходящего солнца. Не нос, а купол!

Прелестнов. Но, но! Просто сильные морозы, так сказать, опалили эту часть и... при чем же тут купол!

Таня. Вам хотелось бы лететь, Михаил Федорович?

Таежников. Хотелось бы, Таня. Молчите — и будем лететь.

Прелестнов (*поднимая стакан*) . Итак! За твоё здоровье, Егор, — теперь мы все должны пить за твоё здоровье, чтобы оно, так сказать, окрепло. Крепкое здоровье — основа богатства. Кто ты теперь, вдумайся? Ты теперь — хорист в оперетке, черт возьми, на тебя публика смотреть будет. Публика — и даже бинокли. Как называется этот сад, где оперетка твоя?

Монастырский. «Кинь-грусть».

Прелестнов. Какое имя! Ведь я в этот сад только через забор могу попасть, а ты там свой человек, без тебя и музыка играть не начнет! Нет, каково? Давно ли я знал тебя презренным пьяницей, готовым за целковый отпеть любого толстопузого мошенника, а кто ты ныне? Голова кружится! — Сколько авансу?

Монастырский. Пятнадцать рублей.

Паулина. Ого, сколько! Молодец!

Прелестнов. Пятнадцать рублей одного авансу-неизвестному человеку, который может еще и *сбежать*, подозрительной личности в испанской шляпе! Извини меня, Егор, ты знаешь, как я уважаю тебя и горжусь нашей дружбой, но ты же подозрительная личность! Другого красят борода или усы, а у тебя и этого нет! (*Таинственно.*) Я даже боюсь, Егор: нет ли тут ошибки? Хорошо ли тебя рассмотрел твой амфитрион²⁰? Не близорук ли он?

Монастырский. Постой-ка... что я вижу! (*Встает и срывает невдалеке чахлый цветочек.*) Миша, я цветок нашел! Позвольте, фрейлейн Полина, поднести вам... приколите!

Паулина (*краснея*). О, мерси, благодарю. Какой милый цветочек... Таньхен, цветочек!

Таня (*садясь*). Михаил Федорович, они цветок нашли! Посмотрите!

Таежников (*вставая*). Откуда еще

---

²⁰ *Амфитрион* — в греческой мифологии царь Тирнифа. В новой литературе благодаря трактовке образа Ж.-Б. Мольером стал синонимом гостеприимного хлебосольного хозяина («Настоящий Амфитрион — Амфитрион, у которого обедают»).

цветочек?

Все рассматривают и нюхают бледный и пыльный, без запаха цветов.

Недурен цветочек. Крепче держите его, Полина, а то Татьяна Тимофеевна отнимет.

Паулина (*прижимая руки к груди*). О! Я не дам.

Таня. Я пойду искать себе. Я и не знала, что здесь есть цветы, надо Сеничку послать... (*Отходит.*)

Прелестнов. Ты любимец муз, Егор. Получив аванс, ты и на этой скудной ниве срываешь розы... о изменчивая богиня счастья, фортуна! Наполним фиалы!

Таежников присоединяется к Тане, безуспешно ищущей цветок. Останавливаются недалеко, возле груды досок. Монастырский, аккомпанируя на гитаре, поет чувствительный романс, к нему присоединяются охрипший тенорок капитана и контральто Паулины; поют тихо и складно.

Таежников. Не ищите напрасно, Таня. На этой скудной ниве, как верно выразился пьяный капитан, вы не найдете живых цветов. То —

мертвый цветок: разве вы не заметили, как бледны его лепестки, как безжизненно его чахлое лицо? Присядем здесь.

Таня. Вы были такой веселый... что опять случилось с вами?

Таежников. Я не знаю, Таня. Но, когда я смотрел в небо, какое-то темное предчувствие шевельнулось во мне... точно чье-то черное крыло на мгновение закрыло синеву и смятением наполнило мою душу. Какое-то несчастье ждет меня, Таня.

Молчание. Таежников задумался. Таня беспокойно и ласково смотрит на него.

Таня. Что с вами, милый... Михаил Федорович? Вы еще никогда не говорили так.

Таежников. Разве никогда? Да, я многого совсем не говорю... и многое говорю не так, как надо. Кто я — злой или добрый, разгадать мне это?

Таня. Сегодня вы добрый, как... как...

Таежников (*улыбаясь*). Почти как вы — да. Не знаю, почему, но нынче все время я чувствую за собою благостную и печальную тень одной женщины. Нет, не думайте... я говорю про мою умершую мать, о которой я также никогда не говорил вам. Зачем она пришла? Что она хочет сказать мне?

Таня (*тихо*). Она часто приходит?

Таежников (*также тихо*). Нет. Таня, а что, если я скоро умру? Вы и представить не можете, до чего иногда я боюсь смерти — до ужаса, до подлости! Мне так много нужно сделать, но вдруг она раньше схватит и перервет мою глотку... это мой враг, Таня. Это она так жестоко иссушает мою душу и пьет мою кровь, это она в зародыше губит цветы моих творений, это она не хочет, чтобы я стал... (*тихо*) великим. Она убьет меня! Вы знаете, что однажды я уже стрелял в себя, вот сюда, вот в это место. Кто тогда поднял на меня мою руку? А если опять? Ведь так трудно, так страшно жить, Таня!

Таня (*складывая руки, как на молитве*). Если вы умрете, я тоже не останусь жить.

Таежников (*рассеянно, не вникая в смысл*). Да? Вы добрая, Таня. (*Хмуро.*) Ну, довольно. — Хорошо они поют.

Таня. Хорошо.

Таежников. И почему капитан старик и уже скоро должен умереть, когда он еще ребенок? Лысый, пьяный, красноносый ребенок. А Монастырский и вовсе не пьян, он ведь хитрый, Таня. Он только еще боится поверить в свою фортуна, а когда поверит...

Таня (*оглянувшись, вскрикивает*). Ванька идет! О Господи!

Отодвинув доску, на пустырь пролезают трое пьяных фабричных; у одного, Ваньки, гармония, на которой он немедленно начинает пиликать. Приближаются к Паулине и остальным.

Паулина. Ванька!.. Ой, я боюсь. Егор Иваныч, я боюсь, он меня убьет. Я ему соврала, что дома буду.

Прелестнов (*выступая вперед*).
Позвольте!.. Эй, посяуйте, вам что здесь надо? Место занято нами, проваливайте, друзья.

Ванька (*переставая пиликать и с усмешкой переглядываясь со своими, нагло*). Это кто же его занял? Ты, что ли?

Прелестнов. Не ты, а ваше благородие... ск-а-тина!

Ванька. С морды-то будто и не похоже на благородие, а скорее свинья на огородив!..

Хохочут. Ванька пиликает.

Прелестнов. Это... это черт знает, что такое! Какая-то наглая харя... пароль донер!

Ванька (*переставая пиликать*). Пороли не пороли, а не ты на козлы клал, благородие красноносое! Митька, гляди — и твоя Танька тут... вот так баре, всех наших девок забрали. Полька! —

ты это что же, а? Пошла домой, а то гармони не пожалею, сейчас об твою голову разобью! Ну?!

Паулина. Ой, не надо, Ванька! Я пойду!

Ванька (*пиликающая*). Или три рубля давайте, слышали? Даром грабить себя не позволю.

Митька (*хрипло*). И пять дадут, как морды считать начнем.

Прелестнов (*краснея и надуваясь*). Послушай, ты... червяк! Вон отсюда! Сейчас хожалого²¹ позову.

Ванька (*бросая гармонию*). Скорее зови.

Быстро бьет Прелестнова, и тот валится. Смутно понимая, в чем дело и отчего он упал, на карачках отползает в сторону.

Пьяные хохочут.

Куда же вы, ваше благородие? Посидели бы с нами. — Дай гармонь, Степа.

Митька (*хрипло*). В Киев на богомолье пополз.

Хохочут.

Таежников (*дрожа от гнева и невольного*

---

²¹ *Хожалый* — полицейский солдат, городской.

страха). Ах, негодяй!

Таня *(не пуская).* Михаил Федорович! Я не пущу, они вас убьют.

Ванька. Смотри, Мить, барин-то к твоей приспособился, хлеб отбивает. Стыдно, барин!

Таежников. Молчать!

Ванька *(весело).* Да ты что из-за досок кричишь, какой храбрый? Ты сюда выйди, а? Сюда-то не хочешь — не ходи, мы сами к тебе придем. А гитара еще чья?

Монастырский *(хрипло).* Моя.

Ванька. А ты еще откуда появился, сирота казанская? Твоя, говоришь? Ну — помяни ее во царствии небесном.

Бьет гитару ногой. Хохот.

Монастырский. Ты гитару? Ты... мою... гитару?! А?!

Ванька *(важно).* Не ори. *(Пиликает.)* Полька, ты скоро?

Монастырский. Полька?.. Ах?!

С невнятным и грозным ворчанием набрасывается на пьяных, в три-четыре удара разносит их. Убегают за угол, он их преследует. (Эту сцену желательно провести возле кулисы, так, чтобы самая драка происходила за глазами

зрителей.) Крики, ругань, топот, постепенно затихающие.

Паулина. Ой, боюсь! Ой, молодец-молодец! (Бьет в ладоши.) Ага, Ванька!.. Так, так!..

Прелестнов (сидит на земле, восторженно поощряет). Так их! Ага! Бегут! Гони их! Ага! Молодец Егор, постоял!

Монастырский (весь взъерошенный, возвращается, поднимает гармонию и с размаху бросает ее вслед убежавшим). Гармонию возьми! Ах, черти пьяные... гитару, а?

С волнением разглядывает гитару. Паулина также. Капитан, поднявшись, несколько ошалело оглядывается и торжествующе грозит кулаком куда-то вдаль.

Прелестнов. Подлецы! Хамы! (Объясняет, отряхиваясь.) Конечно, я упал, да и всякий благородный человек на моем месте упал бы — верно, Егор? Нет, какое свинство. Без объявления войны... и, так сказать, вторгся в пределы!

Монастырский (кладя гитару). Нет, ничего, пустяки... от трещинки-то она еще лучше зазвучит, как заклеим. Испугались, Полина Ивановна?

Паулина. Вам больше гитару жалько, чем меня. (Губы ее дрожат.) Ванька меня убить

хотель, а вы... гитару. Какие все люди плохие!..

Монастырский. Ну что вы, Полина Ивановна! Да разве я допустил бы! Он и Мишу оскорбил, такой хам. А про гитару я потому, что это, если можно выразиться, наиболее доступное и вообще... Какой я рыцарь, Полина Ивановна, это мой Гаврюша рыцарь, а я... да-с. Ну, а за гитару свою всякий имеет право, гитара — это... *(Испуганно.)* Миша! Что с ним?

Таежников, молча, горящими глазами наблюдавший за схваткой, заметно бледнеет; в момент последующего разговора с ним делается дурно, на мгновение он теряет сознание. Таня в страхе зовет.

Таня. Егор Иванович, скорее! Ах, Боже мой, что с ним... Михаил Федорович, очнитесь.

Монастырский. Эка! Надо воды ему. Миша!

Прелестнов. Пройдет-с, это временное. Попал, так сказать, в сферу огня и... Но какой чувствительный юнец, падает в обморок, подобно кисейной девице...

Монастырский *(сердито).* Молчи, ты! Эта девица десятков таких, как ты, проглотит и не поморщится... А что он даже запаха хамства не выносит, что даже намек на оскорбление... Нет, Таня, голову ему держать не надо. Миша, а

Миша? — Не всякий, брат Гавриил, способен на четвереньках вокруг света проползти...

Паулина (*смеется сквозь слезы*). Ой, какой он был смешной!

Прелестнов (*приосанившись*). Нет — ты это серьезно, Егор? Жаль, очень жаль!

Монастырский. Отстань. — Миша, ну как?

Таежников (*очнувшись*). Ничего. Нервы... Фу, как это нелепо... дай мне водки немного.

Монастырский. Нету, Миша, всю вылакали, а вот пивка... это тоже, брат, помогает, пей, пей. Что морщишься — теплое?.. вот так, вот и хорошо, щечки-то и порозовели. А гитара-то цела, Миша!

Паулина. Ванька такой разбойник, его в тюрьму надо.

Таня (*тихо*). Может быть, мне лучше уйти, Михаил Федорович?

Таежников. Почему?

Таня. Так. Правда, они все пьяные, но... Он так называл меня перед вами, и, Может быть, мое присутствие теперь неприятно? Лучше я уйду...

Таежников (*скрипнув зубами*). Оставайтесь! И сколько в вас, Таня, этой рабьей покорности, невыносимого смирения... ну, что вы улыбаетесь?

Таня. Так.

Таежников. Так! Поймите же, Таня, что вы не ангел, чтобы так улыбаться, не святая...

Монастырский. Миша! А ты видал нашего

героя, как он на четвереньках полз?

Прелестнов. Но, но!..

Все громко и немного истерически хохочут.

Смешно?

Хохот сильнее.

Свинство, господин студент! Свинство! И ты, Егор... мог ли я ожидать, чтобы дружба, это священное чувство... Прощайте! (*Дрожащими руками нахлобучивает фуражку.*) Честь имею!

Монастырский. Да куда ты?

Прелестнов. В другое место, где если и не уважают седин, то и не смеются над ними. Вам смешно, что пьяный безобразник ударом своего грязного кулака сбил с ног у... утомленного старца? Вам, судари мои, потешно, что человек, имеющий от роду шестьдесят лет, не вступил в драку с фабричным Геркулесом... да-с! — и на четвереньках, в жалком и позорном виде, подобно пресмыкающемуся раку, влача, так сказать, во прахе свои седины... Нехорошо-с, судари мои, недостойно современной молодежи, когда великие учителя наши, Грановский²² и г. Некрасов, и сам

---

²² Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) —

неистовейший²³ Виссарион... Недостойно-с!

Таежников (*хмуро*). Прошу у вас извинения, капитан. Искреннейше и почтительно от лица всех прошу простить нас, капитан. И, если вы окажете мне честь и протянете вашу руку в знак примирения...

Прелестнов. Что я слышу!

Монастырский. Верно. Извини меня, Гавриил... знаешь, как-то скотинеешь от этой водки... извини и протяни руку!

Прелестнов (*одновременно всхлипывая и смеясь*). Что я слышу? Друзья мои! Современная молодежь! Учители наши, го... господин Грановский и Николай Алексеевич Некрасов... Нет, не могу. Наполняй фиалы, Егор! За современную молодежь! За честный труд и священные лозунги наших надежд!

Все серьезно пьют.

историк, профессор Московского университета, ратовал за просвещение и свободу личности.

²³ *Неистовейший Виссарион* — Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), прозванный так современниками за страстную непримиримость по отношению к позиции своих противников.

Монастырский. Идет!.. Миша, подтягивай.
(Поет.)

Смело, братья,
ветром полный,
Парус мой направлю
я...
Полетит на быстры
волны
Быстрокрылая
ладья!.. Полетит...²⁴

*Все подтягивают. Таежников поет так,
будто молится, наивно и почтительно смотря в
рот Монастырскому.*

Монастырский.

Там, за далью
непогоды
Есть блаженная
страна...

---

²⁴ «Смело, братья, ветром полный...» — второй куплет из песни «Пловец», музыка К. П. Вильбоа, слова Н. М. Языкова.

Поют. Со стороны забора, где калитка, появляется необычное шествие: генеральша Тугаринова, важная и, видимо, взволнованная дама, ее дочь, красавица Раиса Филипповна, и горбатый Сеничка, ведущий их. С удивлением смотрят на поющих, которые их не замечают.

Сеня. Вот они, я говорил, что они тут. Таня! Таня *(вскрикивает)*. Михаил Федорович, смотрите!

Пение обрывается.

Тугаринова. Нет, что это за концерт? Куда ты ведешь меня, Раиса? И Мишель... Что это, Боже мой!

Раиса *(усмехаясь)*. Успокойтесь, мама. Возьми это, мальчик, и ступай. Здравствуйте, Мишель. Извините, что мы помешали... здесь так весело, но на вашей квартире нам сказали, что вы здесь, и этот горбатенький...

Таежников. Его зовут Сеней.

Раиса. Вы по-прежнему любитель номенклатуры? Здравствуйте, Монастырский.

Монастырский неловко шаркает. Несколько смущенный капитан, Паулина и Таня отходят в сторону; Таня, тихонько уговаривая,

выпроваживает Сеню, которому хочется поглядеть.

Тугаринова *(нервно играя лорнетом)*.
Очень жаль, что мсье Монастырский не предупредил нас, какое общество мы можем встретить...

Раиса. Он предупреждал, мама.

Тугаринова. Но я этого не слыхала! Что это, бутылки, да вы пьяны, Монастырский, у вас возбужденные глаза!

Монастырский. Помилуйте! Кха... прекрасная, знаете, погода... мы только пиво пили.

Тугаринова. Пиво? Нет — и что это за место? Раиса, я, наконец, прошу тебя объяснить... Здравствуйте же, Мишель!

Таежников *(насмешливо)*. Здравствуйте, тетенька!

Тугаринова *(растерянно)*. Тетенька? Но... Но какая же я вам тетенька? Наше родство так отдаленно, и вообще вы никогда не позволяли себе афишировать... тетенька! Какое мещанство!

Раиса. Мама!

Тугаринова. Но позволь же и мне сказать, Раиса! И если уж по твоему капризу нас завели в такое место, где меня зовут тетенька, то имею же и я право... Мишель! Как я уже писала вам, вы не должны так амбициозно относиться к тому случаю,

ну — прискорбному случаю, если хотите. Глупый лакей перепутал места за столом, и, наконец, я же извинилась. И мой муж, а ваш благодетель, генерал Филипп Григорьевич, да, благодетель... Что это за неприличный смех, Мишель?

Таежников громко смеется. Монастырский неодобрительно качает головой и делает предостерегающие знаки.

Нас здесь оскорбляют!

Раиса *(спокойно, слегка презрительно)*. Никто нас не оскорбляет, мама. Монастырский, будьте любезны, попросите маму и отойдите немного в сторону: мне надо поговорить с Михаилом Федоровичем... Идите, мама, идите. Вы платок уронили.

Монастырский *(поднимая платок)*. Извольте платочек. Глубоко сожалею, ваше превосходительство, что роковая случайность... прошу вас пожаловать сюда, ножку не ушибите!

Тугаринова *(раздраженно)*. Какую еще ножку?

Монастырский. Сор, кирпичи, всякая гадость-с. Тут беднота по праздникам гуляет... ничего не поделаешь, ваше превосходительство! Гуляют! Хорошо бы сесть, но... можно на досках, доски очень хорошие и совершенно сухие...

Тугаринова. Сухие? Что вы говорите такое? сухие? Кто сухие?

Монастырский. Совершенно сухие, вашество, не извольте беспокоиться. Уже две недели хоть бы капелька дождя — просто ужас! Давно изволили быть в имении, ваше превосходительство?

Тугаринова. Мы только что оттуда. Но я в ужасе, мсье Кладбищенский: что это за общество...

Разговаривают. Монастырский старается из досок сделать подобие кресла. Те трое в сторонке. Таежников и Раиса одни.

Раиса. Вот я и пришла, Мишель... Посмотрите на маму; она убеждена, что ее сейчас ограбят и убьют по меньшей мере. Я пришла, Мишель. Когда-то вы изволили потешаться над моей эксцентричностью, но теперь, согласитесь, она оказалась весьма кстати. Вы не думаете?

Таежников. Нет. Зачем вы пришли?

Раиса. Затем, что вы мое последнее письмо даже не потрудились распечатать, а я не имею обычая оставаться без ответа. Но вы так худы и бледны, Мишель: вы больны или голодны?

Таежников (*усмехаясь*). Прямо к цели?

Раиса. Да, это мой девиз: всегда прямо к цели. Мне надобен ваш совет, Мишель: мсье

Батурин делает мне уже вторично предложение руки и сердца... у него очень любящее сердце, и я обещала подумать, но не могу же я ждать, пока вы пожелаете распечатать мое письмо! *(С ударением.)* Он мне нравится.

Таежников *(хмуро)*. Избавьте меня от этой игры.

Раиса. Какая же это игра? Но... извольте. Тогда скажите прямо: вы решительно не хотите сознаваться, что любите меня?

Таежников *(морщась)*. Фу, как это цинично, Раиса. Вы грубы, точно следователь на допросе!

Раиса. На вас не угодишь. Вы любите меня или нет?

Таежников *(резко)*. Нет. Я уже докладывал вам.

Молчание. Раиса несколько бледнеет.

Раиса. Кажется, мама успокоилась, ваш друг совершил чудо. А кто эта хорошенькая девушка, которая была с вами: у нее интересное лицо.

Таежников. Это вас не касается.

Раиса. Вы правы. — Так как же, Мишель?

Таежников. Нет, — почему вы решили, что я должен любить вас? В вашем характере есть отвратительные черты, Раиса: вы холодны, как

ледяная вершина, и сатанински горды, весь мир должен прийти и поклониться вам. И вы до сих пор не можете примириться, что какой-то жалкий студентка, почти приживальщик в доме вашего отца, осмеливается остаться равнодушным и даже — смеется!

Раиса. Вы не студентка, и вы не жалкий, вы сами это знаете.

Таежников. А кто же я, герой? *(Горько.)* Посмотрели бы вы на этого героя десять минут тому назад... э, да что! Кто я? Где мое право на любовь? Я права на жизнь не имею, а мне суют любовь, за которую мне нечем платить!

Раиса. Кто так спрашивает, тот уже приобрел право на жизнь... и любовь.

Таежников. Как холоден ваш ум... он так же холоден, как и ваша красота, Раиса. Кто спрашивает! Мне нечем платить за вашу любовь, Раиса, а даром я ничего не беру, я в царствие небесное войду, только сломавши дверь... будьте снисходительны к гордости пролетария, это единственное, что я еще имею.

Раиса. А эти, ваши новые друзья, — вы думаете, они ничего от вас не потребуют за свою любовь! О, еще больше, чем я!

Таежников. Им я отдам себя.

Раиса *(страстно).* Себя! А разве я ищу другого, а не вас?

Таежников громко смеется.

Раиса (*вспыхивая, презрительно*).
Пребывание в этом... обществе не улучшило ваших манер.

Таежников. Да, и я нахожу этот разговор излишним. Что вы хотите, Раиса... я уже устал от ваших преследований.

Короткое молчание.

Раиса. Преследований... вы так это называете? Хорошо. Что мне нужно? Рискуя снова услышать ваш смех, я все же отвечу: вас. Мне нужно только вас и больше ничего. Грубо, да. Но все прямое кажется грубым, я же смела и горда достаточно, чтобы из всех линий, по которым ползают люди, знать только одну — прямую. О, улыбайтесь... это не смущает меня. Я... люблю вашу улыбку. Я люблю... вас. Вы еще сами не знаете, кто вы — жалкий студентишка, как вы себя назвали. Ваши горящие глаза...

Таежников. Прошу вас не говорить этого!

Раиса (*покорно*). Хорошо, я не буду. Но вы ошибаетесь, Мишель, думая, что это я прихожу к вам повелительницей и богачкой, нет, это вы повелитель, это ваши богатства безмерны и

бессчетны, а я только нищая у ваших ног! Мне холодно, Мишель, моя душа под вечным снегом, а в вас неугасимый огонь, неистощимое волнение, которое покоряет меня. Ваши чувства и мысли кружатся, как в Мальстреме²⁵, и увлекают мое холодное воображение, будят к жизни уснувшие страсти. С вами я почти... гениальна, без вас я холодная, злая и скучная красавица, генеральская дочь!.. Раиса Тугаринова, богатая невеста со скверным характером!

Короткое молчание. Таежников поколеблен.

Таежников (*смотря в сторону*). Вы знаете... вы знаете, что я получаю только отказы в редакциях? Да, не годится. Замыслы ничего, а так, в исполнении, плохо. Кое-где смеются над... моими произведениями, извиняют молодостью.

Раиса (*презрительно*). Оставьте их!

Таежников. Но я могу и не... выдержать. (*Смотря в сторону.*) Мне очень трудно. Болит грудь и... впрочем, не важно.

Раиса. Вы выдержите все, Мишель! Такие не погибают ни от голода, ни от болезней, разве вы сами не чувствуете этого?

---

²⁵ *Мальстрем* — водоворот у берегов Норвегии.